

# Инь, янь и всякая дрянь

**Автор:**

Дарья Донцова

Инь, янь и всякая дрянь

Дарья Донцова

Татьяна Сергеева. Детектив на диете #3

Самая заветная мечта Тани Сергеевой – похудеть! Но разве можно сбросить вес, если жизнь состоит из сплошных стрессов?! Только парочка сэндвичей и успокоит разгулявшиеся нервы... А переживать есть из-за чего – Татьяне поручили первое самостоятельное расследование, и она сразу, после просмотра первой же улики, диска DVD, получила самый настоящий шок. Причина ее ужаса понятна – на нем запечатлена... казнь! Кто и за что застрелил скромную бухгалтершу Оксану Бондаренко? Какую тайну требовали открыть похитители жещины, прислав «подарочек» в виде диска ее мужу Федору?..

Дарья ДОНЦОВА

ИНЬ, ЯНЬ И ВСЯКАЯ ДРЯНЬ

Глава 1

Если ты понятия не имеешь, чем занимаешься, назови это аналитической работой.

Я в сто пятьдесят восьмой раз включила запись и уставилась на экран. Когда Чеслав принес диск и запустил его, меня, бедную, чуть не стошнило от ужаса.

Телевизор равнодушно продемонстрировал картинку: темноволосая женщина сидит на стуле, самом обычном, белом, пластиковом. На одной ножке круглое темное пятно – кто-то приложил к стулу горячий предмет и слегка подпалил его. Вроде ничего особенного? Ну да, если бы только лицо несчастной не было покрыто синяками и ссадинами. Один глаз у нее почти заплыл, рот заклеен полосой скотча, руки привязаны к спинке, а ноги примотаны к ножкам. Сначала мне показалось, что незнакомка мертва, но потом она пошевелила головой. И тут из левого угла кадра выдвинулась черная фигура. Она вытянула руку с пистолетом, зазвучал явно измененный с помощью компьютерных технологий голос:

– Срок закончился. Думаю, тебе придется искать новую жену, эта уже пришла в негодность.

Затем раздается тихий щелчок, и по светлой кофте женщины медленно растекается алое пятно. Сначала оно было маленькое, потом делалось шире, шире, шире. Темноволосая голова откинулась набок и упала на грудь, экран погас. Все, казнь свершилась.

Как я уже упоминала, запись принес Чеслав, начальник нашей группы. И теперь мне, Тане Сергеевой, нужно увидеть на экране хоть что-то, что выведет на след убийцы.

Женщину, привязанную к стулу, зовут Оксана Родриговна Бондаренко. Ее муж Федор – мягко говоря, странная личность. Неделью назад Оксана не вернулась с работы. Как поступил бы нормальный человек, если супруги полночи нет дома? Конечно же, он...

Стоп. Прежде чем ответить на этот простой вопрос, нужно учесть несколько фактов. Оксана вполне добропорядочный человек, не пила, не курила, работала в бухгалтерии затрапезного предприятия, больших денег ни на службе, ни дома в руках не держала. После работы, в начале седьмого вечера, она садилась на маршрутку, доезжала до метро, спускалась в подземку и катила домой через весь город. Путь этот занимал два часа (собственно, столько же времени длилась поездка на работу утром).

На мой взгляд, Оксана невероятная дура. Если произвести элементарные математические вычисления, то получается, что за рабочую пятидневку она

проводила в транспорте двадцать часов. В году пятьдесят две недели, значит, в год выходит больше тысячи часов на дорогу. Если разделить последнее число на двадцать четыре, то получается сорок с лишним суток! Почти полтора месяца Оксана проводила в течение года в пути. С ума сойти! Не легче ли найти работу в соседнем доме и ходить к своему калькулятору пешком, а? Если бы Оксана трудилась в каком-то пафосном месте, еще хоть как-то можно было бы понять необходимость транспортных мучений, но она-то работала на хлебозаводе и получала за труд пару медных копеек. Ей-богу, я абсолютно не понимаю некоторых людей! С другой стороны, бухгалтеров пруд пруди, может, бедняжке не удалось найти работу неподалеку от родного подъезда?

Ладно, оставим в стороне пустые размышлизмы и вернемся к известным фактам. Утром первого июля Оксана, как обычно, направилась к метро (Бондаренко живут не очень богато, у них нет машины). В свою бухгалтерию фигурантка вошла точно в девять – прямо не женщина, а курьерский поезд, прибыла по расписанию! – и занялась расчетами. В восемнадцать ноль-ноль Бондаренко встала, взяла сумку и покинула хлебозавод. Все, больше ее никто не видел.

Почему главбух не стала паниковать, когда примерная сотрудница на следующий день не явилась на работу? А с какой стати терять голову? Ведь ровно в девять часов начальнице жены позвонил Федор и сказал:

– Оксана заболела, свалилась с температурой.

– Пусть выздоравливает, – милостиво ответила начальница, – вызовите врача для оформления бюллетеня.

Теперь вернемся к вопросу, что сделал бы нормальный мужик, если бы жена до полуночи не вернулась домой. Собственно говоря, насчет нормального мужика все понятно, а вот Федор, когда супруга так и не появилась (и даже не позвонила), лег спать. В пять утра в квартире раздался телефонный звонок, некто произнес два слова:

– Почтовый ящик.

– Что? Кто говорит? При чем тут почта? – стал спрашивать спросонья Федор, но из трубки уже летели короткие гудки.

Очевидно, муж Бондаренко не отличается большой сообразительностью, потому что он решил: кто-то ошибся номером – и преспокойно улегся спать дальше.

В семь утра Федор решил спуститься на первый этаж за газетой, открыл ящик, и ему в руки выпал диск. Бондаренко и тут не удивился (вот такой спокойный человек!), просмотрел прессу и уехал на службу. Лишь вечером, усевшись у телевизора, он надумал поинтересоваться, что же содержит нежданный подарок, и запустил диск.

Запись оказалась короткой. На экране возникло изображение Оксаны. Она была привязана к стулу и казалась то ли одурманенной наркотиками, то ли напуганной до потери сознания.

– Меняем ее на тайну, – прозвучал за кадром странный голос. – Если пойдешь в ментовку – она покойница. Завтра, Ваганьковское кладбище. В полдень. У церкви.

Федор страшно удивился. О какой тайне идет речь? Но решил, что завтра в полдень все выяснится, и... лег спать.

В указанное время заботливый супруг приехал на погост и стал расхаживать у церкви. Был какой-то православный праздник, поэтому народу вокруг толпилось много. Федор провел на площади четверть часа, а потом уехал несолоно хлебавши – к нему так никто и не приблизился.

На следующее утро в почте обнаружился новый диск. На сей раз, правда, Бондаренко не стал ждать вечера, запустил DVD сразу. На экране опять появилась Оксана. Выглядела она намного хуже, чем в первом «кино», – ее, похоже, сильно избили.

– Меняем жену на тайну, – без всяких эмоций произнес тот же голос. – Пойдешь в ментовку – она покойница. Завтра. Ваганьковское кладбище. В полдень. У церкви.

Федор покорно выполнил приказ, но получился какой-то день сурка. К нему опять никто не подошел. А спустя неделю в том же почтовом ящике он обнаружил диск с записью казни.

Бондаренко растерялся и решил посоветоваться с... мамой. Но тут ему позвонили из милиции. Оказалось, что кто-то отправил точь-в-точь такую же запись сотрудникам правоохранительных органов. Впрочем, у них есть железное правило: нет трупа – нет дела. Мертвого тела Оксаны Бондаренко никто не видел, но ведь была снята сцена убийства, весьма шокирующее зрелище, и механизм следствия начал со скрипом вертеться.

В милиции Федору задали кучу естественных вопросов. Почему он не испугался, когда жена не пришла ночевать? Отчего не обратился в милицию, увидев первый диск? О какой тайне идет речь?

Федор постарался достойно ответить дознавателю. Наверное, здесь уместно привести запись их беседы.

– Ваша супруга частенько задерживалась на службе?

– Нет, она всегда около восьми приходила домой, плюс-минус пятнадцать минут. Мы живем не у метро, надо еще от станции на маршрутке проехать.

– Оксана не любила гулять?

– В парке?

– После рабочего дня многие женщины любят расслабиться, ходят по торговым центрам. Оксана была из таких?

– Нет, у нас денег немного, еле-еле на жизнь хватало!

– Можно бродить по лавкам, не делая покупок.

– Она не любила без цели шляться, только конкретно, за едой или стиральным порошком.

– А одежда?

– Откуда на нее средства взять? Старое донашивала.

– Значит, ваша жена сразу после службы отправлялась домой?

– Да.

– И не встречалась с подругами?

– Нет.

– Никогда?

– Я их не видел.

– Вообще?

– Я их не видел, – повторил Федор.

– Может быть, Оксана болтала с ними по телефону?

– Не слышал, при мне она не разговаривала.

– Ага, понятно. Вернее, совсем непонятно.

– А что, собственно, не так?

– Да вообще-то странно получается, Федор Николаевич. Ваша супруга всегда аккуратнейшим образом являлась домой в восемь...

– Могла без пятнадцати прийти, иногда чуть позднее восьми, – уточнил муж.

– Хорошо, но сути дела ваше последнее замечание не меняет. А потом вдруг Оксана не является ночевать, и вы не переживаете?

– Зачем дергаться? Может, осталась у подруги.

– Вы же сами сказали, что подруг у нее нет.

– Я так не говорил. Сказал: я их не видел.

– Хотите убедить меня, что подруги у Оксаны все-таки были, просто вы с ними не встречались?

– Ну, наверное.

– Ладно, – следователь не терял самообладания. – Но неужели вас не поразило требование обмена жены на некий секрет?

– Удивило, конечно.

– О какой тайне шла речь?

– Понятия не имею! Оксану, наверное, по ошибке похитили.

– Откуда вы знаете, что супругу похитили? – милиционер решил поймать Федора на несоответствиях.

– Не сама же она себя к стулу примотала и побила, – раздалось в ответ.

– Вижу, вы очень любили свою жену, – не выдержал дознаватель.

– Я к ней хорошо относился, на Восьмое марта цветы дарил. И вообще, такого мужа еще поискать: не пью, не курю, зарплату в дом несус. Не то что некоторые.

– Кого вы имели в виду, сказав «некоторые»?

– Мужики любят погулять, а я идеальный, – не постеснялся похвалить себя Федор.

И тут у следователя кончилось терпение.

– Я со своей женой через день ругаюсь, – заорал он, – но, если Ленка домой после полуночи не явится, всех на ноги подниму!

– Так у вас власть, – забормотал Федор, – вы при погонах ходите, а я оператор малой механизации. Кому такие нужны?

– Кто? – слегка остыл следователь.

– Я работаю на машине в фирме, – пояснил Бондаренко. – Ну... если попростому... коридоры мою.

– Коридоры? – удивился мент.

– Я ж вам в самом начале разговора сказал, – с укоризной заметил Федор. – Так и представился: Федор Бондаренко, оператор на фирме «Вир» [1 - Название придумано автором. Здесь и далее: любые совпадения в наименованиях фирм, компаний, брендов, магазинов, изданий средств массовой информации случайны.]. Опирирую машиной, такой маленькой, со щетками. На ней удобно коридоры мыть.

– Коридоры? – вновь переспросил следователь.

– Ага, – подтвердил Федор. – В комнаты меня не пускают, там другие чистят. У нас по бумажкам проход, их Леонид Михайлович раздает: синие, желтые, красные... Моя зеленая, значит, я езжу только по коридору, еще в столовую могу заходить, для техперсонала. Служба хорошая. Платят, правда, мало, но у меня много свободного времени, в четыре уже домой отпускают. Я на досуге картинки собираю из кусочков. Вот сейчас купил мозаику из пяти тысяч частей. Таковую не всякий сложит! Их надо потом склеить и...

– Послушай, объясни честно, почему ты сразу к нам не пошел? А? Отчего не явился, получив первый диск? – оставил официальный тон следователь.

– Так ведь они предупредили: если я обращусь в милицию, то Оксанка – покойница, – протянул Федор. – И разве б вы ее искать стали? Я ж не президент! Да и я думал, вернут ее. Зачем им моя жена? Готовит она плохо, никак не научится правильные щи варить, как мама.

Тут только до следователя с большим опозданием дошло: у Федора явно проблемы с головой, и он отпустил Бондаренко домой.



– Что скажешь? – спросил Чеслав, после того как я прослушала запись допроса и посмотрела «кино».

– Федор Бондаренко псих? – ляпнула я.

Чеслав поднял бровь.

– Полина Юрьевна, его мать, объяснила: сын родился вполне нормальным, но в подростковом возрасте подрался с мальчишками и получил удар по голове. Оказался в больнице, ему сделали операцию, удачную, паренек выжил, но, похоже, хирург ему в мозгах все же что-то повредил. У Феди стало плохо с памятью, он бросил школу, попытался выучиться на повара, затем на маляра, но ни одну профессию освоить не сумел. В конце концов Бондаренко взяли на работу уборщиком. В армии он не служил, его признали негодным.

Я кивнула, подумав: хорошо хоть откровенных идиотов в армию не забирают.

– Полина Юрьевна была счастлива, когда Оксана согласилась выйти за Федю замуж, – продолжал Чеслав. – Мать Бондаренко не очень пожилая женщина, но по виду совершенная старуха, у нее большие проблемы со зрением, тяжелая гипертония, было аж три инфаркта. Ясное дело, ее мучил вопрос: если она умрет, что станет с сыном? И тут появилась Оксана. Может, кому-то такая невестка и могла показаться не очень удачной кандидатурой: сорок лет, скромная зарплата, заурядная внешность, и навряд ли сможет родить ребенка, но для Полины Юрьевны Оксана была принцессой. Потому что она единственная, кто согласился строить семью с ее Феденькой. И все недостатки избранницы сына в данном случае превращались в достоинства. Наследников Бондаренко не надо, отсутствие у Оксаны красоты и амбиций – тоже большой плюс. Такая баба не уйдет к другому, не захочет делать карьеру. Короче, свекровь не знала, куда невестку усадить и чем угостить. Да еще квартира, в которой жили супруги, принадлежала жене, Федор все еще прописан у мамы. Понимаешь?

– Его интерес ясен, – кивнула я. – Но что могло привлечь Оксану? Да, она не супермодель, но тысячи женщин самой простецкой внешности преспокойно выходят замуж за нормальных мужчин!

Чеслав усмехнулся.

– Даме сорок. Никаких кавалеров на горизонте не было. А Федору нет тридцати, и беда у него только с головой, физически он здоров и крепок. К тому же парень не пьет, не курит, тихий, ведет домашнее хозяйство, в свободное время складывает пазлы. Как думаешь, сколько баб с удовольствием променяют своих алкоголиков с дипломами о высшем образовании на ласкового идиота?

– Короче, Федор вне подозрений? Не он подстроил похищение?

– Ему нет никакого смысла, – сказал Чеслав. – А вот тот, кто задумал преступление, отлично знал, как поведет себя Федор, и рассчитывал, что милиция, естественно, его заподозрит. Надо же, муж ждал несколько дней и не обращался в органы, потому что ему запретил похититель! Мало кто так поступит. Вопросы есть?

– Полно, – ответила я... – Зачем кому-то похищать обычную бухгалтершу? Как правило, есть два варианта ответа на этот вопрос: деньги и информация, их обычно хотят получить в обмен на чью-то жизнь. С финансами тут явный облом – Бондаренко бедны как церковные мыши, никакого навару не снять. Оксана не актриса, не политик, не звезда шоу-биза, газеты не интересуются ее судьбой, и я сильно сомневаюсь, что бухгалтерша с хлебозавода была в курсе тайн государственной важности. Так кому понадобилось ее убивать?

– Вот ты это и выяснишь, – сухо сказал Чеслав.

– Но... как... – растерялась я.

Начальник пожал плечами.

– Действуй. Вот телефон Эдуарда Кузнецова, который занимался делом Бондаренко, можешь рассчитывать на помощь следователя.

Я растерянно заморгала. Те, кто не первый раз встречается со мной, знают, что я не юрист и никогда не служила ни в милиции, ни в ФСБ, ни вообще в какой-либо силовой структуре. У меня нет медицинского образования, я не способна, бросив беглый взгляд на бездыханное тело, торжественно заявить: «Время смерти десять часов утра, кончина наступила вследствие огнестрельного ранения, произведенного из пистолета». Я не сумею отличить колотую рану от резаной и,

честно говоря, до жути боюсь покойников. Я могу заорать при виде мыши (впрочем, пауков не выношу еще больше, чем грызунов, и ни за какие коврижки не пойду одна поздним вечером в подвал даже собственного дома). Физическая подготовка у меня страдает на обе ноги, извините за идиотский каламбур, – я никогда не занималась спортом, быстро бегать и высоко прыгать мне мешает лишний вес. Конечно, я постоянно пытаюсь похудеть, но пока все попытки были безуспешными. Да, еще я не владею компьютером, не умею водить машину и до сих пор не выучила таблицу умножения. В общем, как видите, госпожа Сергеева – настоящий Джеймс Бонд.

Что заставило Чеслава взять подобный экземпляр в свою группу, которая занимается выполнением спецзаданий? Маловероятно, что его привлекло мое доскональное знание литературы. Предполагаю, что за меня ходатайствовал муж, гениальный актер по имени Гри. Впрочем, по паспорту моего супруга зовут Аристарх, и он невероятно красив, умен, талантлив, молод. Ох, лучше остановиться, о Гри я могу говорить часами. Поверьте, иметь такого мужа – невероятное счастье и... огромное неудобство. Каждое утро, подходя к зеркалу, я спрашиваю себя:

– Эй, девушка, почему Гри на тебе женился? И по какой причине он до сих пор не удрал от своей суперкрасавицы? [2 - Об истории знакомства Гри и Тани, а также о том, как Сергеева попала в группу Чеслава Яновича, читайте в книгах Дарьи Донцовой «Старуха Кристи – отдыхает!» и «Диета для трех поросят», издательство «Эксмо».]

И поверьте, ответа на сии вопросы у меня нет. Зато есть огромный страх, временами переходящий в ужас. В особенности жутко мне делается по вечерам, когда я, встав на весы, вижу, как стрелка решительно переваливает через цифру «80». Нет, Гри непременно бросит толстуху, это лишь вопрос времени. Зачем красавцу чудовище?

## Глава 2

Чеслав помахал рукой перед моим носом.

– Татьяна! Ау! Выйди из тьмы, включи свою наблюдательность и скажи, что ты увидела на дисках?

Я потрясла головой, отогнала прочь ужасные мысли об уходе мужа и сказала:

– Ничего.

– Совсем? – разочарованно спросил Чеслав.

– Пластиковый стул самый обычный. Белый, дешевый, такие везде продаются. На ножке есть черное пятно, вроде ее прижгли чем-то горячим, но это нам ничего не дает. В качестве фона для видеозаписи выбрана чистая белая стена, ни одного предмета мебели, кроме стула, к которому привязана несчастная, в кадре нет. Убийца одет в черное, лица не видно. Может, если Дима поработает со звуком и изображением, мы что-нибудь узнаем, – бойко отпартовала я.

– Коробков не смог выжать из записи ничего особенного, – ответил Чеслав, – кроме одного: голос на записи принадлежит Спонжу Бобу.

– Кому? – подскочила я.

– Это персонаж известного мультика, по-русски его зовут Губка Боб, – пояснил начальник. – Слова «меняем ее на тайну», «она покойница», «завтра», «в полдень», «у церкви» – звуковая «нарезка» из того же рисованного фильма.

Я непонимающе заморгала. Чеслав потер ладонью лоб и поинтересовался:

– О программе фотошоп слышала?

– Конечно.

– И что ты о ней знаешь?

– Можно взять мою голову, приставить ее к телу красотки – победительницы конкурса «Мисс Вселенная», а затем поместить изображение рядом с изображением американского президента, и получится, что он вручает мне огромный букет роз.

– Точь-в-точь такие же возможности существуют и для звука. Человек берет чужие фразы, вырывает их из контекста, соединяет вместе – и опля, мы имеем обращение от похитителя, – сказал Чеслав.

– Значит, у преступника есть дети. Либо он сам смотрит сериал про ту мочалку. Остальные про него и не слышали! – протянула я.

– Тонкое наблюдение, – без тени улыбки отметил Чеслав, – но я ожидал от тебя большего.

– Ваганьковское кладбище тоже из импортной мультяшки? – запоздало удивилась я. – Насколько помню, в записи на диске были слова про этот погост.

– Да, – кивнул Чеслав, – в мультике в одной серии дело происходит на кладбище и в тексте звучит название «Ваганьковское». Уж не знаю, почему так решили поступить при дубляже.

– Наверное, ради прикола. Значит, нарезка из мультика... Надо же было ухитриться сделать такую! – воскликнула я.

Чеслав чихнул.

– Коробков уверяет, будто ему на подобный трюк понадобится четверть часа.

Я протяжно вздохнула. Наш Коробок – гений. По годам он уже дедушка, но, глядя на Димона, забываешь про его возраст. Он покрыт татуировками, носит собачий ошейник, утыканный шипами, изредка, в минуту хорошего настроения, красит ногти черным лаком. А еще он периодически меняет цвет волос и сооружает креативные прически (например, в понедельник Дима предстал передо мной с ярко-зелеными волосами, заплетенными в косу). В качестве личного средства передвижения Димон предпочитает мотоцикл, и ездить с ним я вам не советую, а если все же рискнете, непременно наденьте памперсы. У меня появилась седая прядь после того, как Коробков по приказу Чеслава однажды привез меня на место происшествия. Даже труп, увиденный после этой поездки, не поверг меня в ужас, хотя обычно при виде покойника я превращаюсь в соляной столб. Но в тот день, сойдя с байка Коробкова, я поняла: ничего в жизни не может быть хуже, чем мчаться на мотоцикле со скоростью

истребителя, лавируя, как взбесившийся заяц, между машинами, пешеходами и вопящими от негодования гаишниками. А еще Димон крайне невоздержан на язык и иногда матерится. Вот только все эти его недостатки и странности искупает одно достоинство – Коробков компьютерный гений. И гениальный хакер. Если вы попросите его взлезть в личный ноутбук президента, то есть в тот, где глава государства держит семейные фото, будьте уверены – через пятнадцать минут Димон окажется там, где надо. Я, с огромным трудом отправляющая обычный е-мэйл, смотрю на дедулю как на бога. Впрочем, называть Диму стариком нельзя – он намного моложе нас всех, думаю, ему лет тринадцать (не по паспорту, конечно, а по состоянию души).

В общем, если Коробок ничего особенного в записи, присланной Федору Бондаренко, не заметил, то что могу увидеть я? Впрочем, один вопрос у меня все же возник.

– Ну? – прищурился Чеслав. – Говори.

– Наверное, мне надо научиться держать лицо бесстрастным, – улыбнулась я.

– Не тяни кота за бантик! – велело начальство.

– На первой записи, там, где Оксана еще не избита, она одета в бордовую водолазку.

– Ну?

– И на втором диске, где Бондаренко уже с синяками на лице, она в той же одежде.

– Замечательно. И что тут странного?

– А в момент казни на ней белая блузка. С какой стати похищенную переодели? Посмотри на экран.

Чеслав уперся взглядом в телевизор.

– М-да... Молодец! Хотя на самые сложные вопросы обычно имеются простые ответы. Например: водолазка испачкалась.

– Тебе встречались бандиты, которые перед тем, как лишить жертву жизни, заботливо переодевали ее, соблюдали, так сказать, дресс-код во время казни?

Начальник хлопнул ладонью по столу.

– Может быть, ты зацепилась за интересную деталь. Других все равно нет. Работай.

– Йес, босс! – бойко ответила я, глядя, как Чеслав идет к двери.

Он всегда безукоризненно одет. Даже если провел ночь на ногах, все равно его костюм, рубашка, галстук и ботинки будут в идеальном состоянии. И бесполезно спрашивать у Чеслава, кто приказал ему заниматься похищением Бондаренко. Я знаю одно: наш спецотдел подчиняется лично САМОМУ ГЛАВНОМУ. Естественно, его, то есть главного шефа, я никогда не видела, для меня боссом является Чеслав. Знаю лишь фамилию и имя нашего верховного главнокомандующего – Иван Иванович Петров. Правда, прикольно? Но мое дело работать по заданию, которое дал Чеслав, если я начну тормозить, то легко могу вылететь из отдела, а этого мне очень не хочется.

Еще раз посмотрев запись, я позвонила Эдуарду Кузнецову, следователю, и попросила:

– У вас есть описание одежды Бондаренко? В чем она ушла из дома?

– В рабочем костюме, – ответил Эдуард. – С одеждой у нее было негусто, скудный гардероб, прямо скажем. В день исчезновения Оксана надела белую блузку с рукавами три четверти и серую юбку. Еще она прихватила с собой шерстяную кофту.

– Бордовую? – уточнила я.

– Нет, серый кардиган на трех пуговицах, подарок свекрови на Новый год, – сообщил Кузнецов.

– А водолазки цвета свеклы у нее не было?

– Нет. По радио в день ее исчезновения обещали к вечеру дождь, вот Бондаренко и прихватила кофту, – добавил следователь.

– Спасибо, – сказала я, затем соединилась с Коробковым.

– Вы позвонили в службу «секс по телефону», – прозвучало из трубки, – в данный момент все операторы заняты, просьба подождать.

– Дима! Прекрати!

– Слушаю вас, говорите.

– Это я!

– Крайне польщен. Не каждый день простого человека беспокоит их королевское величество.

Злиться на Коробкова невозможно, требовать от него серьезности – зряшное занятие, лучше всего не обращать внимания на его выверты.

– Посмотри диск.

– Вау! Мне не хватит жизни, чтобы изучить все DVD-записи мира.

– С убийством Бондаренко.

– Зачем?

– Я работаю по этому делу.

– Ух ты! Сама? Одна? Чеслав доверил?

Я сжала зубы. Коробок невыносим!



– Изучи картинку.

– Уже открыл. Что надо? – неожиданно посерьезнел хакер.

– Блузка, та, что на женщине в момент смерти. Мне нужны подробности об одежде.

– Йес, мой генерал! – гаркнул Коробков. – Будут ли еще поручения для верного пса?

– Пока нет, – процедила я и бросила трубку.

Ну и как тут похудеть? После общения с Димоном сразу хочется плотно пообедать, чтобы слегка успокоить расходившиеся нервы.

Ладно, пока Дима пытается узнать хоть какие-то подробности об одежде, я съезжу на хлебозавод и потолкую с коллегами Оксаны Бондаренко. Наверное, в бухгалтерии сидят одни тетки, до сих пор их допрашивали мужчины, а представители сильного пола не всегда умеют беседовать с женщинами, они их пугают.

Интуиция меня не подвела: в небольшой комнатке, плотно заставленной обычными письменными столами, сидели три особы неопределенного возраста. Две, очевидно, давно семейные дамы – они махнули рукой на собственную привлекательность и явно не заглядывают в салоны красоты. Третья же пытается стать красавицей, и я пожалела бедняжку. Интересно, сама-то она понимает, что, превратив волосы в белую паклю и намазав на лицо тон цвета «спелый персик», она отнюдь не стала похожа на тот самый персик, а выглядит как слегка подгнивший сухофрукт? К тому же ее посетила не очень удачная идея вкачать в губы гель, сделать татуаж бровей, наложить пару кило румян и нарастить гелевые когти устрашающей длины. По идее, все принятые меры должны были сделать ее красивой, но получилось нечто ужасное. Две затрапезные тетки выглядели намного симпатичнее своей «тюнингованной» коллеги.

– Разрешите? – улыбнулась я, протискиваясь в узкое пространство между столами.

– Если вы по поводу работы, то в объявлении четко указано: приходить в четверг, – недовольно протянула «красавица».

– Нет, я подруга Оксаны Бондаренко, – бойко соврала я.

Тетки моментально оторвались от компьютеров.

– Валечка, поставь чайник, – попросила пергидрольная блондинка.

– Минуточку, Нина Алексеевна, – прозвучало в ответ, и мне стало понятно, кто тут главный.

– Оксана никогда не рассказывала о подругах, – удивилась Нина Алексеевна.

– Она была очень ответственная, – объяснила я, – не хотела путать работу с личным.

Валентина вынула из коробки пакетики с заваркой.

– За все время работы она десяти слов о семье не сказала, – с легкой обидой отметила она, – мы ничего про нее не знаем. Молчала как рыба, рта лишний раз не открывала!

– Точно, – кивнула Нина Алексеевна. – Пришла на место Кати, та в декрет отправилась.

– Не побоялась после сорока родить, – заявила до сих пор молчавшая шатенка.

– Ну, Верочка, – остановила подчиненную заведующая, – ты же знаешь ее обстоятельства: мужа нет, матери тоже...

– Тем более глупо безотцовщину плодить, – не смутилась Вера. – А теперь она каждый день звонит и стонет. Без помощи плохо, я двоих ребят поднимала и

отлично понимаю, каково это. Хоть и есть мужик, да толку от него...

– Мне иногда кажется, что лучше уж стать матерью-одиночкой, чем возвращаться в пустую квартиру, – тихо сказала Нина Алексеевна и одернула кофту, слишком туго обтягивавшую ее располневшую фигуру.

– Некоторые с алкоголиком мучаются, – вмешалась в беседу Валентина, – и мечтают жить без мужа.

– Давайте вернемся к Оксане, – предложила я. – Ее свекровь попросила меня забрать вещи.

– Какие? – сдвинула брови Нина Алексеевна.

– Мелочь из письменного стола, чашку, фотографии...

– Что-о? – протянула Валя.

– Наверное, Оксана пила с вами чай?

– А вот и нет! – фыркнула Вера. – Это не для царицы.

– Мы ее отлично встретили, – вздохнула Валентина, – сразу предложили влиться в коллектив, угощали: «Оксаночка, хотите тортик? Очень свежий, из нашего цеха...»

– А она даже не улыбнулась, – перебила коллегу Вера, – сухо так бросила: «Спасибо, я не люблю сладкое», – и в бумаги уткнулась.

– Явно на мое место метила, – неожиданно заявила Нина Алексеевна.

– Ну что вы! – хором воскликнули подчиненные. – Разве можно такого главбуха заменить!

– У нее данных для руководителя мало было, – кивнула начальница, – хотя работала отлично. Не опаздывала, не курила, не обедала...

– Автомат, – заявила Валентина. – Представляете, о том, что у нее муж есть, мы узнали лишь после аварии!

– Какой аварии? – удивилась я и тут же прикусила язык.

– Ее же машина сшибла, – распахнула глаза Вера. – Или вы не знаете? Оксана пострадала от пьяного водителя.

– Конечно, я в курсе, – попыталась я выкрутиться, – просто такая ситуация называется наездом, авария – это когда вы сидите в машине, а не идете по улице. Так можно забрать вещи?

– А их нет, – ехидно ответила Валя. – Она даже чашку сюда не принесла!

– Ее рабочее место у окна? – поинтересовалась я, рассматривая абсолютно пустую поверхность стола.

– Да, – кивнула Вера. – Знаете, хоть о мертвых плохо не говорят, но она странная была. Ни фотографий, ни сувениров не имела.

– В туалет один раз за смену ходила, – хихикнула Валя. – Встанет, комп выключит, бумаги в ящик уберет, запрет его и спросит: «Нина Алексеевна, разрешите отлучиться на пару минут?» Говорю же, настоящий робот. Правда, что у нее муж молодой?

– Не старый, – я решила подкормить сплетниц информацией.

– Наши говорят, ему восемнадцати нет, – с горящими глазами заявила Нина.

– Врут, – покачала я головой.

– Сколько же парню? – не отставала Нина Алексеевна.

– Тридцати не исполнилось, – ушла я от точного ответа.

– Ох и ни фиги себе! – подскочила Вера. – Сама страшная, а мужика молодого отхватила!

– Можно порыться в ее столе? – повторила я просьбу.

– Сколько угодно, – милостиво кивнула главбух.

Я открыла верхний ящик. Калькулятор, штук десять прозрачных пластмассовых шариковых ручек, коробка со скрепками, точилка. Во втором ящике лежали пачка обычной писчей бумаги, клей, карандаши и стопка прозрачных папок. В третьем было пусто. Никаких милых мелочей, которые обычно скапливаются у женщин на рабочем месте, – ни открыток с поздравлениями, ни игрушек, ни косметики, ни начатой шоколадки. Почти отчаявшись найти что-то интересное, я выдвинула последний ящик, поставила его на пол и заглянула внутрь – иногда что-нибудь заваливается из ящиков вниз. Но нет, пусто. Я неловко подняла ящик и чуть не уронила его, пришлось живо опустить его на паркет, на этот раз набок. На оборотной стороне дна я увидела белую бумажку, приклеенную скотчем. Мгновенно отодрала находку и сунула в карман. Бухгалтерши ничего не заметили.

– А мне ее жаль, – вздохнула Нина Алексеевна.

– Может, это и некрасиво, – нахмурилась Валя, – но мне больше жаль Лерочку, она красивой вещи лишилась. Когда еще такую получит!

– Сама виновата, – пожала плечами Вера.

– Вовсе нет, это же произошло случайно, – возмутилась Валентина.

– Могла не давать водолазку.

– Ты ведь знаешь Лерочку...

– Ага! И кто ей теперь обновку вернет? – спросила громко Вера.

– Простите, вы о чем? – наострила я уши.

Нина Алексеевна встала из-за стола, налила в кружки чаю, открыла шкафчик, вынула оттуда небольшой торт, усеянный кремовыми розами, и спросила:

– Не побрезгуете? Наш фирменный, только что из цеха принесли.

– С огромным удовольствием, – покривила я душой, – обожаю сладкое.

Впрочем, последнее замечание не было ложью, я на самом деле большая любительница выпечки, вот только с сегодняшнего дня села на жесткую диету. С другой стороны, проигнорировать совместное чаепитие было бы большой тактической ошибкой. Во время трапезы тетки могут выболтать что-нибудь весьма интересное. И моя совесть, пока желудок наслаждается тортом, будет молчать. Ведь я нарушу режим питания не по слабости характера, а из желания выполнить задание Чеслава. Кстати, мне впервые поручили вести дело, до сих пор я ходила в помощниках у Гри и Марты. Никак нельзя ударить в грязь лицом!

### Глава 3

Торт оказался выше всяких похвал – нежнейший бисквит был хорошо пропитан сиропом с коньяком, а крем напоминал облако, совсем не тяжелый и не жирный. Чтобы закрепить дружбу с бухгалтершами, я слопала три куса и заодно узнала кучу сплетен и услышала рассказ о том, как Оксана провела свой последний рабочий день.

...Ближе к вечеру, около четырех часов, Нина Алексеевна велела Оксане:

– Возьмите ведомость и отнесите зарплату Лере Костюковой.

Сотрудники хлебозавода получают деньги в кассе, но Костюкова находится на особом положении. Во-первых, Лера – племянница главного инженера, но не это дает ей исключительный статус. Костюкова – победитель всевозможных соревнований, которые проводятся среди кондитеров, у нее огромное количество дипломов, медалей и премий. Торты, сделанные Лерой, всегда занимают призовые места на кондитерских конкурсах, она лауреат международных состязаний кондитеров и приносит родному хлебозаводу

большое количество денег. На предприятии открыт спеццех (им руководит Лера), куда любой человек может прийти и заказать десерт для праздника. Если хотите, выбирайте из каталога, а желаете нечто особенное – кондитеры придумают эксклюзив. Сотрудники спеццеха обучены лично Лерой и являются замечательными мастерами. Костюкова сама тоже сооружает трехъярусные бисквитные конструкции, но ее услуги стоят очень дорого, и если уж Лера берется за создание торта, то не отойдет от него, пока шедевр не упакуют в коробку.

Так вот, в тот роковой для Бондаренко день Лера сооружала торт для свадьбы одного богатого господина, в кассу за получкой она отойти не могла, и Нина Алексеевна отправила к ней Оксану.

Бухгалтерша ушла и пропала – вернулась лишь минут через сорок. И как ни в чем не бывало села за свой стол.

Коллеги, удивленные тем, как много времени Оксана потратила на поход в соседнее помещение, примолкли. Потом начальница вдруг изумилась:

– Ты переделалась?

– Да, – как всегда, сухо ответила коллега.

– Холодно стало? – не успокаивалась Нина Алексеевна.

– Нет, – коротко сказала подчиненная.

– Красивая водолазка, – вступила в беседу Валя, – тебе идет бордовый цвет.

Отвечать главбуху Оксане предписывалось служебной инструкцией, простая сотрудница не может проигнорировать замечание начальницы, а вот с равной себе по статусу Валентиной Бондаренко говорить не собиралась – она сделала вид, что не слышит слов коллеги про водолазку.

– Шерстяная, похоже, – не успокаивалась Валя.

– Не, шелковая, – поправила Вера. – Наверное, прохладная. Так, Оксана?

Бондаренко молча водила мышкой по коврику. Бухгалтершам стало обидно. Валентина уже собралась отпустить ядовитое замечание про некоторых слишком «болтливых» дам, но тут дверь в кабинет распахнулась, и появилась Лера.

– Оксана, – тихо сказала она, – ты ее не возвращай.

– Завтра принесу, – не отрывая взгляда от монитора, заявила Бондаренко, – мне чужого не надо.

– Блузку же теперь не отстирать, – чуть не заплакала Костюкова.

– Ну и ладно, – спокойно отреагировала Оксана.

– Я применяю только натуральные красители, в данном случае это была свекла.

– Замечательно.

– В креме много масла, – продолжала начальница цеха.

Вера, Валя и Нина, абсолютно не понимавшие, о чем идет речь, во все уши слушали Костюкову.

– Отнесу ее в химчистку, – не успокаивалась Лера.

– Хорошо, – согласилась Оксана.

– Вдруг все-таки отойдет!

– Можно попробовать, – меланхолично откликнулась Оксана.

– Ты сердишься? – не выдержала Костюкова.

Бондаренко наконец-то отвела глаза от компьютера.



– На кого?

– На меня, – всхлипнула Лера.

– За что?

– Ну... за блузку.

– Все в порядке, – сказала Оксана и снова застучала пальцами по клавиатуре.

– Я пойду? – растерялась кондитер.

Оксана пожала плечами.

– Леронька, – опомнилась Нина Алексеевна, – хочешь чайку? Сейчас свежий заварим!

Но Костюкова, судорожно всхлипнув, выбежала из кабинета, главбух кинулась за ней.

Вернулась Нина Алексеевна через полчаса и строго приказала:

– Оксана, возьми ведомости и отнеси Павлу Николаевичу на подпись.

Бондаренко немедленно повиновалась. Едва она исчезла в коридоре, как Вера и Валя в один голос спросили:

– Что там случилось?

Нина Алексеевна пожала плечами и брякнула:

– По-моему, она сука!

– Лера? – растерянно предположила Валентина.

– Оксана, – рявкнула главбух и рассказала наконец о происшествии.

В тот момент, когда Бондаренко приблизилась к кондитерше, чтобы отдать зарплату, Лера украшала торт кремом. Нина Алексеевна не очень поняла, что именно произошло, но уяснила главное: каким-то образом жирная субстанция темно-красного цвета очутилась на белой блузке Бондаренко. Теперь Оксана дуется, но делает вид, что ничего неприятного не случилось, а бедная Костюкова пытается хоть как-то исправить свою оплошность.

Долго обсуждать случай сплетницам не удалось – Оксана вернулась с завизированными документами, и пришлось бабам прикусить языки...

Я еще немного поболтала со словоохотливыми тетками, а потом направилась в спеццех, расположенный рядом с бухгалтерией.

Никогда раньше я не бывала в месте, где пекут торты, и очень удивилась, увидев обычные шкафчики с пластиковыми дверками, плиту, духовку, холодильник. Ну прямо как у меня на кухне. Вот только стола здесь было два. Один стоял возле окна, и на нем возвышалось сооружение невиданной красоты: огромная полураскрытая раковина, а из нее выходит полуобнаженная девушка, стыдливо прикрывающая грудь и бедра пышными длинными волосами.

– Какая роскошь! – вырвалось у меня. – Леди Годива!

– Та ехала на лошади, – ответила женщина, сидевшая за вторым столом, у холодильника, – а это рождение Венеры. Заказал Николай Михайлов на именины жены.

– Хотите сказать, что это торт? – ахнула я.

– Ну да, бисквит, карамель, марципановая масса, – пояснила женщина.

– Но волосы-то настоящие!

Мастер засмеялась.

– Вряд ли найдется человек, которому понравится натуральный парик на торте.

– Из чего же вы изготовили волосы?

Кондитер загадочно округлила глаза.

– Маленький секрет. – А через секунду продолжила: – Ладно, скажу – грива из сахара, его особым образом обрабатывают. Вы хотите сделать заказ?

– Меня зовут Таня Сергеева, – представилась я.

– Лера Костюкова, – улыбнулась собеседница.

– Я подруга Оксаны Бондаренко, и...

– Извините, я очень старалась, но блузка не отстиралась! – воскликнула Лера. – Она здесь, в шкафу, сейчас отдам. Хотя с пятном ее все равно нельзя носить. Ой... простите... она Бондаренко больше не понадобится. Я ей новую блузку купила и собиралась вам вручить ее, а не испорченную.

– Что у вас с Оксаной случилось? – я решила задать вопрос в лоб.

Лера тяжело вздохнула.

– Ерунда вроде, но ваша подруга очень разнервничалась. Садитесь. Хотите чаю? С булочками?

В моем желудке уже лежало три куска торта, но разве можно отказаться от предложенного от души чаепития? За кружечкой ароматного напитка между людьми возникают доверительные отношения и...

Дверь в комнату распахнулась, на пороге появилась толстенькая брюнеточка, которая, не обращая никакого внимания на мое присутствие, заорала:

– Лерка! Мне Стасик машину купил!

– Вау! – подпрыгнула Костюкова. – Круто! Какую?

– «Мазератти»! – азартно завопила девушка.

Я разинула рот. Интересно, чем владеет кавалер работницы хлебозавода? Нефтяными скважинами? Газовыми месторождениями? Или он хозяин алмазных копеей?

– Какую? – растерянно переспросила Лера. – Тома, ты ничего не путаешь? «Мазератти»?

– Ой! – всплеснула руками толстушка. – Никак не запомню название... Нет, не «Мазератти»!

– Я почему-то так и подумала, – засмеялась Лера.

– «Ламборджини»! – уточнила марку брюнетка.

Моя челюсть вновь уехала, теперь вправо.

– Да ну? – прищурилась Костюкова. – Попробуй еще раз!

– «Ламборджини», – стояла на своем Тамара, – подержанную, правда. Ей всего два года, состояние шикарное. Какая-то сорокалетняя бабка на ней в магазин каталась.

– Навряд ли «Ламборджини», – с сомнением протянула Костюкова, – это очень дорогая марка.

– «Феррари»? – предположила Тамара.

Лера покачала головой:

– Не-а.

– Не спорь! – обозлилась брюнетка. – Отлично помню, что она или «Мазератти», или «Ламборджини», или «Феррари»! Название итальянское, точно.

Я заморгала, на всякий случай придерживая подбородок рукой, Лера хихикнула, а Тамара схватила мобильный, потыкала в кнопки и спросила:

– Стасик, ты мне че купил, «Мазератти»? Ой, ну зачем орешь... Поняла, поняла!

Сунув трубку в карман, Тамара бросила на Леру торжествующий взгляд.

– Дурой меня считаешь? Ан нет! «Ланчетти» он мне взял!

– Значит, «Шевроле», – кивнула Костюкова. – Теперь понятно. Хорошая тачка, бюджетная. Если первым ее владельцем была женщина, то вообще супер.

– Сейчас в магазин сгоняю, – понизила голос Тамара, – а после смены выходи во двор, будем колесишки шампанским мыть.

Повернувшись на каблуках, она вылетела в коридор.

– Девчонки! – донесся из-за двери ее пронзительный голосок. – Мне Стаська «Мазератти» купил! Красную! Супер!

Я не выдержала и расмеялась. Лера достала из шкафчика пакетики с заваркой и, опуская их в кружку, улыбнулась:

– А между прочим, Тома не блондинка!

– Может, она красит волосы в черный цвет? – поддержала я шутливую беседу. – Интересно, сколько стоит «Феррари», пусть даже не новый, а двухгодовалый?

– Не знаю, – без всякой зависти в голосе ответила Лера, – но думаю, нам с вами на него за всю жизнь не заработать. Вы кем работаете?

– Преподаю русский язык и литературу, – ответила я почти правду. В моем дипломе указана именно эта профессия, и я в самом деле стояла некоторое время с мелом у доски. Правда, быстро поняла: лучше чистить клетки диким тиграм, чем иметь дело с детьми. А особенно – с их родителями.

Лера водрузила на стол кружки, мы приступили к чаепитию, и очень скоро я узнала детали неприятного инцидента...

Когда Бондаренко вошла в цех эксклюзивных тортов, Лера украшала очередное свое изделие кремом – выдавливала его из одноразового бумажного кондитерского мешка, создавая роскошный пион. Оторваться от процесса было невозможно, поэтому Костюкова сказала:

– Пожалуйста, подождите.

– Я вам принесла зарплату, – сообщила Оксана.

– Одну минуточку, – процедила Лера, которая не любит, когда ей мешают работать.

– Надо расписаться в ведомости, – бесстрастно продолжала Оксана.

Лера стала сердиться. Ну неужели бухгалтерше не понятно, что пион – это вам не простецкая роза? Крем надо уложить многослойно и очень аккуратно, чуть капнешь не туда – и цветок развалится... Да еще Лера добавляет в массу лично ею разработанные абсолютно натуральные добавки, от которых украшение начинает почти в секунду застывать, поэтому медлить нельзя.

– Ведомость на столе, – нахально напомнила Бондаренко.

Костюкова посильнее сжала мешок, но промолчала.

– Ничего, я подожду. Постояю, пока вы не соизволите оторваться от розочки, – заявила Оксана.

Сейчас, вспоминая произошедшее, Лера понимает, что та не хотела ее обидеть. Ну откуда бухгалтеру знать о тонкостях кондитерского искусства? Но в тот момент слово «розочка» показалось Лере пощечиной.

– Розы лепят первокурсники кулинарного техникума, а у меня махровый пион с капельками росы! – рявкнула Костюкова.

– Не вижу разницы, – равнодушно бросила Оксана. – Вроде на бисквитах все цветы одинаковые. У них вкус разный?

Это было уже слишком! От возмущения у Леры перехватило дыхание, пальцы сильнее сжали мешок, и тут он неожиданно порвался, струя жирного темно-красного крема выплеснулась на белую блузку бухгалтерши.

– Черт! – воскликнула та.

– Вы мне помешали! – взвилась Лера.

– Я принесла деньги, – парировала Бондаренко.

– Положили бы на стол и ушли!

– А расписаться?

– Потом я зашла бы в бухгалтерию.

– Так нельзя! – возмутилась Оксана. – Я не цукаты вам дала, а купюры! И посмотрите, что вы сделали с моей блузкой!

Лера нахмурилась. Бухгалтерша тем временем схватила бумажное полотенце и явно собралась стереть им крем.

– Нет! – крикнула Костюкова. – Лучше острым ножом снять!

Но Бондаренко уже мазнула по пятну бумагой.

– Катастрофа... – прошептала она, разглядывая испачканную блузку. – Как теперь в метро ехать? Все на меня уставятся. А у меня после работы встреча важная! Здесь есть мыло? Попробую в туалете блузку застирать.

– Не отойдет, – мрачно сказала Костюкова. – Я использую фермерское масло, натуральные яйца, а не порошок. И сливки из-под коровы, специально каждое утро из Подмосковья привозят. Водой с мылом крем не отстирать.

И тут всегда молчаливая Бондаренко удивила Леру до изумления...

Вспоминая тот день и разговор, кондитерша примолкла. Потом, отхлебнув чаю, пояснила:

– Я на хлебозаводе всю жизнь, начинала с учениц, противень с булками в печь засовывала. А Бондаренко недавно пришла, и мы с ней вообще не общались. Знала только, что ее Оксаной зовут и что она нелюдимая. В курилку новенькая не ходила, особняком держалась, только очень холодно здоровалась. Бондаренко, конечно, хорошо выглядела, но сразу было понятно, что ей сильно за тридцать, а наши болтали, что у нее муж молодой, да еще в армию служить ушел, поэтому тетка и ходит никакая. Наверное, ввали. Короче, она обычно все молчком, а тут ее как прорвало...

Оксана, услышав о составе крема, сначала тихо сказала:

– Ну спасибо...

Потом заорала:

– Черт бы тебя побрал, дуру! Столько работы зря! Целый год прахом пошел. Да мне сегодня ехать и...

С огромным трудом Бондаренко сумела остановиться.

– У тебя свидание! – осенило Леру.

– Да, – выдавила Оксана.

– С мужиком?

– Какая разница, теперь уже все равно, – процедила бухгалтер. – Никуда не пойду, пятно даже кардиганом не прикрыть. Знала бы ты, что...

Оксана захлопнула рот.



Лера метнулась к шкафу, вытащила пакет и сунула его в руки Бондаренко.

– Вот, надевай! Цвет красивый, ярко-бордовый, тебе пойдет.

– Я чужие вещи не ношу, – отказалась бухгалтерша.

– Шмотка новая. Видишь ценник? Размер у нас один!

– Похоже, она дорогая, а у меня нет средств, чтобы купить водолазку, – протянула Оксана.

– Это подарок от дяди, – весело ответила Лера. – Я ему на день рождения торт забабахала, целую ночь старалась. Он мне денег за работу предлагал, но с родственника плату брать нехорошо, вот дядька и купил обновку. Сегодня утром принес. Фирма! Посмотри на лейбл...

– Тем более не возьму, – отчеканила Оксана. – Зачем мне вещь от известного модельера? Она не сочетается с юбкой «от бабы Нюры».

– Послушай, – стала упрашивать ее Лера, – неудобно, что из-за меня сорвется твое свидание. Давай договоримся так: ты берешь водолазку до завтра, а я попытаюсь твою блузку дома привести в порядок. Если она окажется безнадежно испорченной, ты оставишь себе дядькин подарок.

– Моя вещь с толкучки, а твой шелковый свитерок из дорогого магазина, – отметила Оксана. – Нечестно получается.

– А моральный ущерб? – напомнила кондитер.

– Ну ладно, – неожиданно согласилась Оксана. – Мне правда очень надо на эту встречу. Схожу в водолазке и завтра ее непременно верну.

Костюкова отличная хозяйка, поэтому она знает: пятна лучше обрабатывать, пока свежие. Не успела Оксана переодеться и уйти, как Лера кинулась застирывать следы крема. Через десять минут ей стало понятно: блузка сшита из очень дешевого материала, такой никогда не приобретет первозданный вид.

Кондитерша побежала в бухгалтерию и сказала Оксане:

– Водолазка твоя навсегда.

– Завтра я тебе ее верну. Как приду на работу, сразу принесу, – холодно ответила Бондаренко, чем довела Костюкову почти до истерики...

– Похоже, ей нравилось, что я чувствую себя виноватой, – говорила сейчас Лера. – Уперлась как ишак, а потом ясно продемонстрировала: более о пятне она говорить не желает. Ну разве это красиво?

– Не очень, – кивнула я.

– А вы бы как на ее месте поступили?

Я на минуту задумалась.

– Учитывая тот факт, что в некотором роде сама виновата – помешала человеку работать, и понимая случайность казуса, надела бы водолазку, вернула ее потом хозяйке, себе купила бы новую блузку и предложила вам разделить пополам расходы на нее.

– Вот! – закивала Костюкова. – Есть же нормальный выход из положения. А она лишь одно твердила: завтра верну. Мне было жутко неудобно!

...Не желая чувствовать себя виноватой, Костюкова после работы помчалась по магазинам и купила новую кофточку, очень похожую на ту, что носила Оксана. Но Бондаренко на следующий день на рабочем месте не оказалось – Лере сказали, что она заболела, – и Костюкова повесила блузку в шкаф.

– Так она там и осталась, – закончила свой рассказ мастер по тортам. – Забирайте!

Я пожала плечами:

– Зачем она мне?

– И мне не нужна, – отрезала Лера, встала из-за стола, открыла угловой шкаф, вытащила блузку нежно-кремового цвета и протянула мне.

Я машинально пощупала ткань.

– Симпатичная шмотка.

– Вот и носите.

– Издеваетесь? Она мне на три размера мала!

– Ой, извините! – воскликнула Лера, бросив взгляд на мою фигуру. – Ну тогда отдайте кому-нибудь! Ей-богу, неприятно каждый раз на нее наткаться. Бедная Оксана! Получается, что я в ее смерти виновата.

– Это с какого боку? – поразилась я.

Костюкова села на стул и опустила голову.

– Я люблю читать газету «Гадалка», – внезапно призналась она, – там всякие интересные случаи описаны, как люди неминуемой смерти избежали. Купили билет на самолет, поехали в аэропорт, а такси сломалось, вот они и опоздали на рейс, лайнер взлетел и... упал. Получается, ангел-хранитель подопечных спас. Понимаете?

– Пока нет.

Лера обхватила себя за плечи.

– У меня мешок с кремом первый раз в жизни порвался. Неспроста, наверное, крем на Оксану попал – знак ей был: не ходи на свиданку. А я ей водолазку всучила – она и поехала. И попала под машину. Задавило, бедняжку, насмерть.

Следовало ей домой идти, а не на ту встречу!

Я посмотрела на Костюкову. Встречаются на свете люди, которые считают себя ответственными за беды, случившиеся с их знакомыми. Если бы Оксана не пошла на встречу с похитителем (а я уверена, что именно на свидание с ним она так хотела попасть), Лера бы грызла себя за несостоявшееся randevu. И еще интересно, по какой причине милиция решила не рассказывать правду о похищении? На хлебозаводе озвучили более простую версию смерти Оксаны – банальное ДТП.

– Вот и выходит, я виновата, – твердила Лера. – Я!

Мне стало жаль кондитершу, и у меня непроизвольно вырвалось:

– Нет, Оксана все-таки решила поехать домой. Наверное, ей показалось, что цвет водолазки ей не идет, и она не пошла на свидание. А под колеса угодила в двух шагах от родной хрущевки. Получается, ты предоставила ей шанс спастись от гибели, а она им не воспользовалась.

– Да? – с робкой надеждой спросила Лера.

Я кивнула:

– Да, да. Оксане следовало пойти на свидание. Кстати, Бондаренко не говорила, кто ее кавалер?

– Нет.

– А где назначена встреча?

Лера покачала головой.

– Может, обронила фразу вроде: надо ехать на автобусе пятого маршрута? – Я не теряла надежды нарыть хоть какую-нибудь информацию.

– Нет. Ох, я виновата, – всхлипнула Костюкова.

– Теперь в чем проблема? – вышла я из себя.

– Не лопни мешок, крем бы не попал на блузку и Оксана пошла бы на встречу, – Лера видоизменила версию своей причастности к несчастью.

– Да хватит уже выдумывать, – поморщилась я.

– Забирайте кофту, – прошептала Костюкова.

– Лучше ее выбросить, – посоветовала я.

Выйдя с территории хлебозавода, я вытащила отодранную от ящика стола бумажку и прочитала текст: «Лучшие времена. Круглосуточно. Спросить Владимир». Оксана сделала ошибку, следовало написать «Владимира». Я достала телефон и соединилась с Коробковым.

– Лаборатория графа Сен-Жермена на проводе, – бойко отрапортовал Димон.

– Это я.

– О великий и могучий Шерлок Холмс! Кланяюсь и повинуюсь!

– Для начала – Шерлок Холмс был мужчиной, – вздохнула я. – И его никто не называл великим и могучим. Ты перепутал сыщика с волшебником из Изумрудного города. Советую лучше изучать литературу!

– Скажи, – оживился Дмитрий, – все мужчины носят брюки?

– Да, – я не почувствовала подвоха. – А что?

– А ты щеголяешь в джинсах?

– Верно.

– Составляем логическую цепочку, – затараторил компьютерщик: – Представители сильного пола ходят в штанах, Татьяна тоже рассекает в

портках, следовательно, она... мужик. Круто выходит! Никогда не спорь со мной. А то получится инь, янь и всякая дрянь!

– Дурак, – по-детски обиделась я.

– Мама, – заканючил Димон, – поставь Таньку в угол, она маленьких обижает.

– Прекрати немедленно!

– Йес, мэм! Больше не повторится, мадам босс!

– Ты можешь открыть сайт «Лучшие времена»?

– Какой?

– «Лучшие времена».

– Давай по буквам.

– «Эл», то есть Леонид, потом «у» – Ульяна, – принялась я диктовать, – чай, шатер, Иван, Елена, Владимир.

– Джастин момент! – пропел Коробков. – Хрень получается. Нема сайта «Леонид, Ульяна, чай, шатер, Иван, Елена...»

– Ты писал слова полностью?

– Ну!

– Совсем плохой? Нужно взять заглавные буквы!

Дима кашлянул.

– Простите, я не успевал в школе, да и давно это было. Забыл, какие буквы у нас считаются заглавными! Пожалуйста, растолкуйте инвалиду ума.

– Ты издеваешься?! Немедленно войди в сайт «Лучшие времена»!

– Еще раз повтори, да почетче.

– «Лучшие времена»!

– А нет такого.

– Не может быть! Я держу в руках визитку, на ней четко указано – «Лучшие времена.ru».

– Ах там еще и «ру»...

– Нет, ты точно насмехаешься!

– Почему? Могло стоять «ком» или «бу», к примеру, – спокойно ответил Коробков, и я ему вдруг поверила.

– Дима!

– Что?

– «Лучшие времена. ru».

– Не открывается, – с искренним разочарованием сказал хакер. – Может, ты забыла какую ерундишку? Типа тире, запятой, скобочки.

– Лучшие времена точка ру.

– Значит, там есть точка...

– Дима!

– Что, моя радость? Извини, снова облом.

– Ну неужели ты не способен справиться с элементарным заданием? – взывала я.

– Я давно сижу на сайте, – прошептал Коробков.

– Идиот!

– Право, обидно слышать несправедливые слова от любимой женщины! Но я вытерплю. Что ты хочешь?

– Всю информацию из Интернета.

– Вау! Всю-всю? Не один день качать придется!

– С сайта «Лучшие времена».

– Читаю. «Вам надоел бешеный ритм жизни? Раздражают родственники, соседи, люди в метро и на улицах? Вас охватила депрессия, а лекарства не помогают? Не пейте таблетки, они превратят вас в наркоманов. Огромный мегаполис давит простых людей, как великан тараканов. Вам не удастся спрятаться от тоски в городе. Приезжайте в „Лучшие времена“!»

– Это отель? – удивилась я.

– Поселок единомышленников, – пояснил Димон. – Дать адрес?

– Записываю, – отозвалась я.

– Улица Калашникова, она за Теплым Станом. Ранее являлась центральной магистралью деревни Караваевка.

– Ага, поняла, спасибо.

– Эй, погоди, не хочешь узнать про блузку?

– Димочка, ты выяснил что-то об одежде несчастной Оксаны? – возликовала я.



– Сначала увеличил изображение воротничка и пуговиц, – начал отчет Коробков, – выделил отличительные признаки, сравнил их с образцами...

– Короче!

– Тебе неинтересен путь к истине?

– Мне важен результат!

– Грубо, но по-человечески понятно. В момент смерти Оксана была одета в блузку французской фирмы «Рюи Блаз». Вещь не очень дорогая, вполне доступная по цене, но редкая. Эти блузки не распространены в Москве, может, потому, что они очень простые, без стразов, вышивок, золотых нитей и прочих прикамбасов. Ну, разве чуток искусственного жемчуга имеется. Открыт фирменный магазин, там представлен весь ассортимент.

– Где находится лавка?

– Улица Калашникова.

– Минуточку... На одной магистрали с «Лучшими временами»?

Дима вздохнул:

– «Лучшие времена» – это, похоже, коттеджный поселок, который находится в зоне Москвы. Думается, когда его возводили, жители полагали, что окажутся в тихом месте, но прогресс разбушевался, город подобрался к Караваевке вплотную. Раньше там, кстати, была территория интерната для умственно отсталых детей. Непонятно, есть ли сейчас в «Лучших временах» постоянные жители. Из сайта ясно одно: существует некий клуб по интересам. Сдают домики в аренду тем, кто «устал от безумного ритма мегаполиса». Если хочешь, могу глянуть... Улица Калашникова довольно длинная, один ее конец, тот, где расположен магазин «Рюи Блаз», упирается в Теплый Стан, потом идет нечто типа промзоны, недостроенная поликлиника, заброшенный стадион, а дальше въезд в «Лучше времена».

– Интересно... – протянула я... – Мне нужно описание блузки Оксаны.

– Белая, с воротничком, на нем небольшие искусственные жемчужины, не противные, не вычурные. У моей бабушки такая была.

Я постаралась не захихикать: если учесть возраст Коробкова, то его бабуля небось щеголяла в кофточке на балу вместе с поэтом Жуковским.

– Ща пришлю фотку, – заявил Коробков.

– Куда? – растерялась я. – Стою на улице.

– На твою мобилу.

– Как ты это сделаешь?

– Тебе же важен конечный результат, а не описание процесса, – не упустил возможности ущипнуть меня хакер. – Джастин темпорум! Лови.

В ухе противно запищало, я глянула на дисплей.

– Ничего нет.

– О боги! Нажми на «сообщения», – скомандовал Дима. – Вечно у тебя случается инь, янь и всякая дрянь.

Я стала выполнять его указания и, когда экран моргнул, на всякий случай зажмурилась. Очень не хотелось увидеть фото окровавленной Бондаренко.

– Ну, готово? – поторопил меня Дима.

Я наконец разжала веки.

– Ой! Рубашечка! Чистая!

– А ты хотела страшилку? – захихикал Коробков. – Могу вдогонку послать.

– Не надо.

– Хорошо! Танечка, скажи «спасибо» дяде, он очень постарался.

– Это же твоя работа, – фыркнула я.

– Понял, – беззлобно ответил Дима, – учту справедливое замечание.

Я еще раз посмотрела на фото блузки. Бондаренко ушла с работы в водолазке Леры Костюковой, домой Оксана не вернулась, следовательно, она отправилась на то самое, очень важное для нее свидание. То ли во время встречи, то ли по дороге на нее ее похитили и доставили в некое тайное место. Сначала несчастную избивали, а потом застрелили, с циничной жестокостью запечатлев казнь на видео. Почему бухгалтершу переодели? О какой тайне идет речь? Что за тайну мог знать Федор?

Я медленно пошла к метро, набирая по дороге телефон следователя.

– Кузнецов, – вякнули из трубки.

– Это Таня от Чеслава. Дайте мне все координаты Федора – его телефоны, домашний, мобильный и рабочий, а также адрес.

– Записывайте... – тут же сказал милиционер. – Кстати, на службе у него нет номера. Зато могу дать контакт с мамочкой, Полиной Юрьевной.

– Отлично, – обрадовалась я, входя в вестибюль станции метро.

Огромное спасибо человеку, придумавшему мобильную связь, и отдельный респект тем, кто сумел наладить ее в подземке. Пока поезд мчит меня к району Теплый Стан, я сделаю кучу дел.

Путь под землей занял больше часа. За это время я успела выяснить, что Федора и его матери нету дома, мобильный телефон Бондаренко постоянно повторял: «Абонент недоступен...» – и я предположила, что парень сейчас катается по коридорам фирмы на своей «поломойной» машине. Часы показывают четырнадцать ноль-ноль, рабочий день в самом разгаре, наверное, начальство не разрешает уборщикам пользоваться сотовыми. А Полина Юрьевна могла пойти в магазин или в поликлинику. Чеслав упоминал, что мать Федора еще не

старая женщина, но у нее серьезные проблемы со здоровьем.

Зато в «Лучших временах» трубку взяли сразу:

– У аппарата телефонистка Мария.

Я, слегка растерявшись, промолвила:

– Здравсти...

– Доброго дня и вам, – пропела девушка.

– Это «Лучшие времена»?

– Вы абсолютно правы, сударыня. С кем соединить прикажете?

– Э... э... Можно побеседовать с Владимиром?

– Соблаговолите назвать номер служащего.

– Я его не знаю.

– Ничего, давайте обратимся к господину Куприянову, нашему управляющему.

– Замечательная идея, – вырвалось у меня.

– Огромное спасибо, что вы столь высоко оценили мои скромные старания, – отозвалась Мария, – сейчас произойдет соединение...

Из трубки полетели щелчок, кряхтенье, чавканье, затем бархатный баритон проворковал:

– Управляющий Куприянов. Чем могу служить?

Я хотела спросить о человеке по имени Владимир, но неожиданно задала совсем иной вопрос:

– У вас сдаются номера?

– «Лучшие времена» являются закрытым клубом.

– Но в Интернете есть сайт.

– Да, – без энтузиазма протянул баритон, – верно.

– Значит, вы заинтересованы в клиентах?

– Мы рады единомышленникам, – обтекаемо ответил Куприянов.

– Я определенно принадлежу к их числу! – бойко ответила я. И, вспомнив рекламный текст, добавила: – Мегаполис меня растоптал, хочу приблизиться к природе.

– Великолепное решение. Но для вступления в клуб необходима рекомендация.

– От кого?

– От любого из наших членов.

– Дайте мне их список, – потребовала я.

– Боже! Это невозможно! – ужаснулся управляющий.

– Почему?

– Он является тайной.

– Но как я смогу получить рекомендацию?

– Вам ее должны предоставить члены клуба, – тупо повторил Куприянов.

– Скажите их фамилии.

– Невозможно!

Так, разговор пошел по кругу.

– Как люди вступают в «Лучшие времена»?

– Им дают рекомендации, – без всякого раздражения ответил Куприянов.

– А где можно познакомиться с вашими обитателями?

– Ну... в «Лучших временах».

– Но без рекомендательного письма к вам не попасть?

– Простите, нет.

– А чтобы побеседовать с нужными людьми, необходимо войти в поселок?

– Да.

– Однако туда просто так, с улицы, не пустят?

– Извините, нет!

Я нажала на красную кнопку. Оцените идиотизм ситуации. Рекомендация откроет вам двери закрытого клуба, но, дабы заполучить ее, необходимо войти в заведение, в которое вас впустят лишь при наличии рекомендации. Мне опять придется звонить мастеру по взлому компьютеров.

– Генерал-лейтенант Коробков у аппарата! – заорал Дима.

– Идиот! – вздрогнула я от неожиданности.

– Рад знакомству с вами! Приятно, когда абонент сразу представляется, – гаркнул хакер. – А я всего лишь скромный человек, маленький, незаметный Димочка.

– Немедленно влезь в компьютер клуба «Лучшие времена» и узнай список их членов! – приказала я.

– Ума не приложу, коим образом такой большой дядечка, как Димочка, втиснется в небольшую машинку с экранчиком.

– Боже, как ты меня достал своими кретинскими шутками! – не вытерпела я.

Не успела я произнести фразу, как в ухе раздалось гудение.

– Что такое? – подпрыгнула я.

– Списочек пришел, – пояснил Дима. – Извини, не в подарочной упаковке отправил, пожадился на золотую ленточку.

– Спасибо, – буркнула я и стала изучать фамилии.

Протопопов Олег Петрович, Кузьмин Антон Валерьевич, Шапкина Карина Валентиновна... Всего восемнадцать человек, около некоторых фамилий стоял таинственный значок, напоминающий свастику.

Перечитав список десять раз, я набрала номер Марты Карц и стала слушать заунывно-длинные гудки. После пятнадцатого зазвучал капризно-недовольный дискант:

– Кто у нас debil? Ясное дело, если человек не берет трубку, значит, не может! Или не хочет! Какого хрена надо?

– Марта, это я.

– Ой, здоровски! И как мне догадаться, что за «я» пристаёт? – продолжала сердиться светская львица.

Для меня остается большой загадкой, за каким чертом Марта работает у Чеслава. Уж точно не из-за желания получать зарплату, хотя она у членов группы весьма достойная. Но госпожа-то Карц имеет в своем распоряжении миллионы папочки и счета любовников-олигархов. Красотку и завсегдатая светских вечеринок Марту буквально раздирают на части устроители всяческих тусовок, да оно и понятно почему. Если в информации для СМИ указано, что в числе приглашенных есть Карц, орда папарацци займет все углы, закоулки и стояче-сидячие места в зале, где предполагается торжество.

Как вы думаете, зачем организуются всякие там презентации, благотворительные аукционы или шумные дни рождения? Из желания заработать денег для бедных людей или получить подарки-поздравления? Вовсе нет – народ хочет, чтобы о событии сообщила пресса, а журналистов в основном привлекает скандал, и здесь Марте нет равных. Карц ничего не стоит подраться с кем-нибудь из гостей, выплеснуть на репортера коктейль или на разговорном русском языке сообщить какому-нибудь политику всю правду о его внешности и уме. Кавалеров Марта меняет с пулеметной скоростью. И папарацци затаив дыхание ждут: она уйдет с тусовки с тем, с кем пришла, или отобьет мужа у какой-нибудь гостьи? Марта – постоянный ньюсмейкер: если она не матерится и не дерется, то приходит на вечеринку в платье самого невероятного вида. Не далее как неделю назад все СМИ России дали снимок госпожи Карц, которая приехала на день рождения модной писательницы Смоляковой в «маленьком черном платьице». Прикид выглядел скромно, если не сказать – сиротски. Юбка, простая узкая, слегка прикрывала колени, верх не имел декольте, воротничок мог бы украсить школьную форму, никаких разрезов по бокам, да еще Марта стыдливо прикрыла плечи серенькой шалью. Ну просто мышь на автобусной экскурсии! Журналисты разочарованно зашептались: мало того, что Марта пришла одна, скромно села в углу, не пила коктейли, так она еще и оделась, как учительница математики, которая проводит родительское собрание.

– Наверное, она заболела, – перешептывались писаки. – Или отец ей крылья пооборвал, надоело ему про похождения принцессы читать.

И тут Карц встала, капризно сказав:



– Боже, ну и духотища! Неужели организаторы не знают, что человечество придумало кондиционеры? – и скинула свою серую шаль.

Присутствующие посмотрели на спину Марты и ахнули – задняя часть платья оказалась прозрачной, а нижнего белья светская львица принципиально не носит. В результате все СМИ России дали фото попы Карц, забыв упомянуть, по какому поводу собралась тусовка.

И ведь если к Марте приглядеться, то станет понятно: она совсем даже не красавица, фигура смахивает на грабли, нет ни шикарного бюста, ни роскошных волос, а лицом дива похожа на мишку-панду. У Карц круглая мордочка с курносым носиком, а ее не особо выразительные глаза всегда окружены синяками – Марта ведет неправильный образ жизни: курит, пьет, ложится спать под утро, встает после обеда. Поэтому и кожа ее совсем не похожа на китайский фарфор. Без косметики Марта просто страшная. Но даже если ей взбредет в голову заявиться на бал в халате, стянув на затылке волосы в хвост, девица затмит тех, кто просидел месяц в салоне красоты, тщательно готовясь к выходу в свет.

Так в чем секрет успеха Марты? В деньгах ее отца? Безусловно, старик Карц богат, но он не является первым лицом в списке журнала «Форбс». В уме? Карц успешно прикидывается идиоткой, многие считают ее родной сестрой куклы Барби. В любовниках? Их список настолько широк и разнообразен, что скорей мешает, чем помогает ее светскому успеху. В статусе радиоведущей? О боже, конечно нет. Марта сидит у микрофона раз в неделю, зачитывает вопросы викторины, которую составляет редактор. Одним словом, я не понимаю, что позволило Карц стать тем, кем она является, и уж совсем неясно, почему она сотрудник Чеслава. Кстати, о ее работе в группе не известно никому, кроме коллег. Тупая болтливая блондинка ухитрилась сохранить тайну от всех, ни один журналист не разнюхал правду о том, кто такая на самом деле отвязная девица.

Я испытываю к Марте смешанное чувство. С одной стороны, она моя коллега и ни разу пока меня не подвела. С другой... Гри уж слишком восхищается Карц, называет ее гением перевоплощения и одной из самых ярких актрис современности. Только не подумайте, что я ревную, мне просто не нравится, когда мой муж хвалит другую женщину...

– Ну и что? – продолжала сейчас злиться Марта. – Имя-то свое назови!

– Таня.

– Ларина? – фыркнула Карц. – Хочешь посоветоваться, как лучше на правильном русском языке написать письмо Онегину? Не по адресу обратилась! Я бы его конкретно послала в задницу.

– Татьяна Ларина составила признание в любви на французском, – уточнила я, – русским она, как многие дворянки того времени, владела плохо.

– Сергеева, ты, что ли? – наконец сообразила собеседница. – Чего надо?

– Извини, если помешала.

– Да уж... Ни минуты покоя! Делаю педикюр, а телефон словно взбесился. Что ты хочешь?

– Сейчас прочту тебе список.

– Ну!

Я старательно перечислила фамилии.

– Не поняла проблему, – процедила Карц.

– Знаешь хоть кого-нибудь из названных? – спросила я.

– Ну... в общем, да.

– Супер!

– Так что надо? Говори живей, времени нет, сказала же – ногти в порядок привожу!

Я озвучила просьбу о рекомендации.

– Всего-то? – с легким недоумением осведомилась Карц. – Жди.

Из трубки полилась бравурная мелодия, затем вновь прорезался капризный голосок:

– Федосов Женя.

– Это кто?

– Твой рекомендатель. Он сейчас свяжется с администрацией. Если это все, то пока!

Марта отсоединилась. Я постояла несколько секунд с трубкой в руке, потом сунула ее в сумку, дошла до будки с мороженым, купила эскимо и быстро съела. Не успел последний кусок холодного лакомства упасть в желудок, как меня охватило горькое раскаяние: мороженое слишком калорийная штука для женщины, которая хочет похудеть. С другой стороны, эскимо ведь не жареная картошка, не отбивная, не «оливье» с майонезом... И вообще, человек, впавший в депрессию, начинает сильно поправляться. Уныние и самоедство ведут к ожирению, а недовольство собой провоцирует болезни, поэтому никогда не жалеете о своих поступках, даже самых неправильных, даже совершенных ошибках!

Какой толк сейчас укорять себя? Я же не могу выплюнуть мороженое – уже проглотила. Значит, отбросим в сторону плохое настроение и скажем вслух:

– Небольшое отклонение от предписанного рациона пойдет только на пользу. Моему организму сегодня необходимо именно эскимо. Все шикарно. А вот с завтрашнего дня – никаких сладостей.

Решив, что незнакомый Федосов уже успел переговорить с начальством коттеджного поселка, я смело набрала номер и услышала вежливое:

– Телефонистка на проводе.

– Соедините с управляющим Куприяновым.

– Ваше пожелание, сударыня, будет моментально выполнено, – заверила девушка. И не обманула.

– Куприянов, – прожурчал через пару секунд баритон.

– Моя фамилия Сергеева, я хочу стать членом вашего клуба, имею рекомендации от Жени Федосова, – отрапортовала я. – Женя должен был позвонить.

– О! Да! Конечно! Евгений Нилович уже побеспокоился! – зачастил Куприянов. – Ждем-с! С нетерпением-с! Проходите на полянку! Прямо в избу администрации!

– Буду через пять минут, – заверила я.

– Стучите сильнее, Антон глуховат, – предупредил Куприянов.

Последние слова управляющего прозвучали загадочно, но я уже успела подойти к воротам поселка и впала в еще большее изумление.

Простые дощатые створки ворот были лет десять назад выкрашены темно-зеленой краской, и сейчас она свисала облупившимися лохмотьями. Слева виднелась калитка, вместо ручки на ней было железное кольцо. Ни домофона, ни даже простого звонка тут не имелось и в помине. Не было и вывески с названием поселка.

Я подергала калитку. Заперто. Может, я не туда забрела? Это мало похоже на центральный вход в пафосный клуб, куда без рекомендации нечего и соваться. Вероятно, я стою сейчас у служебного входа. Но справа и слева тянулся глухой деревянный забор, улица Калашникова здесь благополучно заканчивалась. Не бегать же мне по периметру изгороди!

Я снова вынула мобильный.

– Телефонистка у аппарата.

– Соедините меня с управляющим.

– Куприянов к вашим услугам!

Главная роль в спектакле «День сурка» стала меня раздражать.

– Опять Сергеева от Жени Федосова.

– Я весь внимание.

– Стою у ободранных зеленых ворот.

– Да, да, правильно, входите.

– Как? Калитка заперта.

– Сделайте одолжение, постучите энергичней, наш ключник Антон слегка глуховат, – безукоризненно вежливо сообщил управляющий.

Я сунула сотовый в карман, стала изо всей силы барабанить в хлипкие доски и кричать:

– Антон! Эй! Открой! Анто-о-он!

Через десять минут такого времяпрепровождения я снова воспользовалась сотовым.

– Телефонистка у аппарата.

– Управляющего! – заорала я. – Живо! Подайте сюда Куприянова в жареном виде!

– Простите, – испуганно пролепетала девушка, – но я могу лишь соединить вас с ним...

Злость мгновенно отступила... Действительно, нельзя требовать от служащей невозможного.

– Куприянов!

– Сергеева от Федосова.

– Наверное, вы запутались на перекрестке? Сворачивайте налево у большого камня. Не бойтесь, ни медведей, ни волков в лесу нет, одни лисы, зайцы и белки.

– Мне не открыли ворота! Я на улице!

– Ох уж этот Антон... Пожалуйста, покричите.

– Орала, как раненый тигр! Но ваш секьюрити даже не шелохнулся!

– Извините, пожалуйста. Попробуйте еще раз.

– Издеваетесь?

– Господи, конечно нет! – явно перепугался Куприянов.

– Тогда позвоните ему и велите меня впустить.

– Куда позвонить? – задал идиотский вопрос управляющий.

– На охрану.

– У нас только Антон.

– Вот его и побеспокойте.

– Но это невозможно.

– Почему?

– У ключника нет телефона.

Сделав пару быстрых вдохов-выдохов и почти успокоившись, я предложила:

– Соединитесь с проходной.

– Никак нельзя, – заблеял Куприянов.

– Что, и там нет телефона?

– Конечно!

Я решила не сдаваться:

– Ладно. Тогда сами выйдите к воротам и откройте.

– Но... вообще-то...

– Что? Вам трудно сделать пару шагов?

– Я нахожусь в центральном офисе, – прошептал Куприянов, – на Тверской.

Я растерянно заморгала. И тут калитка приотворилась, в щель высунулась голова в картузе.

– Кто тута нервничает? – прошамкала она.

– Антон!

– Ась?

– Мне надо войти! Я Татьяна Сергеева.

– Извольте, – кашлянула голова. – Не гневайтесь, ждем-с вас.

– Чуть руки не сломала, пока достучалась!

Картуз повернулся.

– Простите, барыня, тута веревочка топорщится... Видите?

– Где? – повела я глазами.

– А с чертовой руки, – ответила голова и, увидев мое изумление, пояснила: – Та длань, что справа, ангельская, а слева бесовская.

Я растерялась. Похоже, Антон душевно болен, разговаривает весьма странно. А когда мне удалось-таки проникнуть на территорию, я увидела, что охранник одет в холщовую, украшенную вышивкой косоворотку, синие штаны, гармошкой ниспадающие на... лапти. Картуз и окладистая седая борода дополняли образ замшелого деда.

– Коли за шнурок потянуть, – не торопясь вещал Антон, – щеколда подымется. Наши завсегда так поступают. Ишо хорошо, что я неподалеку крапивку на щи рвал, вот и услышал, аки барыня о калитку колотится.

– Где здесь рецепшен? – перебила я сумасшедшего деда.

Антон выкатил выцветшие глаза:

– В толк не возьму, о чем толкуете? Не извольте гневаться! Ре...цып...цып...  
Никак о хохлатке речь завели? Так это к Маркеловой. Антонина Сергеевна лучших кур разводит, супы у нас жирненькие, наваристые. Намедни она Олегу свет Яковлевичу пеструшку подарила, такой духовитый бульон получился! Янтарный!

– Мне нужен административный корпус, – попыталась я растолковать безумному деду цель своего визита, – имею рекомендации от Жени Федосова, хочу у вас жить!

– Дык вон оно что! – обрадовался псих. – Лесочком топайте, по тропочке.

– И далеко?

– Версты тута немерены. Шесть али восемь.



– Сколько?

– Может, и семь, – изменил показания Антон.

– А в километрах какое расстояние?

– Не понимаю такой мерки. Хотите, в саженьях назову? – услужливо поинтересовался Антон.

## Глава 6

Услышав последний вопрос дедка, я окончательно убедилась в том, что имею дело с юродивым, и ласково ответила:

– Спасибо, милый Антон, лучше попробуйте назвать время, за которое я доберусь до администрации.

Старичок стянул картуз, поскреб в затылке и прогудел:

– Вот уж не скажу, потому как скорости вашей не знаю. Может, вы быстроногой серной или пятнистым ягуаром полетите? А я за два часа доползаю, подагра ноги ест.

– Такси до корпуса взять нельзя? – в безумной надежде поинтересовалась я.

– Кого? – попятился Антон. – Бакси? Это кто? А-а-а, вы про Рикси толкуете. Но он, иродово отродье, под седлом не ходит. Погодите, покажу другую забаву.

Со скоростью молодой ящерицы Антон нырнул в кусты. Я осталась стоять у ворот, пытаюсь справиться с изумлением. Куда я попала-то? Провалилась во многократно описанную писателями-фантастами временную яму? Никаких признаков жилья в обозримом пространстве нет, дорог тоже не видно, есть лишь узкая тропиночка, уходящая в глубь зеленого леса.

– Сובлаговолите взглянуть, – прокряхтели из кустов, затем ветви раздвинулись, и показался Антон, который вел за собой... ослика.

– Рикси кусается, – пустился в объяснения дедок. – Его даже барин Китаев остерегается, а уж вас он и вовсе скинет да копытами и затопчет.

Я попятилась в удивлении:

– Кто? Барин Китаев?

– Рикси, – уточнил Антон. – Потому я привел вам Потапия. Ён смирный, правда, подчас характер проявить может. Влезайте и рысите.

– Вы предлагаете мне сесть на осла? – попятилась я.

– Боятесь, не свезет? Не, Потапий крепкий, мешки с мельницы легко прет, а они шестипудовые, – деловито сказал дед.

– Лучше пешком, – я решительно отвергла ишака как транспортное средство.

– Дык взопреете шагать, не близок путь. И дорога неведомая, а Потапий хорошо тропки знает. Не смотрите, что он из животных, умней некоторых людей, – зачастил Антон. Но вдруг осекся и добавил: – Я имею в виду слуг, а не господ. Потапий не умеет, как барин Николаев, считать. Да влезайте, не пужайтесь.

Очевидно, безумие заразно, иначе чем объяснить тот факт, что я все-таки приблизилась – с опаской, конечно, – к ослику?

– Цапайте его за шею и закидывайте ногу, – посоветовал Антон. – Оно, конечно, бесовская одежда, не ладно бабе под мужика рядиться, но зато мне вас не срамно посадить, коли вы, барыня, в портах. Ну... уф!

Тот, кто ни разу не садился на осла, и не догадывается, какое это непростое занятие. Хорошо хоть дедушка, несмотря на почтенный возраст, обладал железными мускулами – в конце концов я очутилась в седле.

– Красивая вы баба, мясистая, – с чувством произнес Антон. – Уж извиняйте за простоту. Я хоть и старый, но глазами любоваться могу. С вашей статью только царицей быть! Ну, с богом!

– А как им управлять? – спохватилась я. – Осел как заводится?

– Пятачками по бочкам стукните и прикажите: «Потапий, вперед!» Коли остановиться надумаете, скомандуйте: «Стой, Потапий!» Но лучше не трогайте его, сам живенько добежит, путь ему знакомый, – пояснил Антон. – Да! Он токмо на Потапия отзывается. Хороший зверь, не подлый, как Рикси. Вот тот, хоть и конь, да сущий дьявол. Прости господи, помянул сатану вслух... Но и Потапий капризы имеет, желает собственное имя слышать – коли Пафнутием, Патрикеем, Прокопием али еще как окликнете, не шелохнется, может даже фортеля закрутить. Ну, Потапий, ступай, не подведи!

Ослик фыркнул, мотнул головой и потрусил по дорожке. Я, забыв попрощаться с приветливым безумцем, вцепилась в торчащую передо мной кожаную полупетлю.

Сначала поездка на ишаке показалась мне забавной, потом я ощутила некоторые неудобства. Узкое жесткое седло больно врезалось между ног, и меня все время трясло. Ослик не «Мерседес», поэтому плавной езды не получилось. Еще мешали собственные болтающиеся ноги. Я попыталась прижать их к бокам животного, но ишак повернул голову и укоризненно глянул на меня карим глазом.

– Прости, милый, – живо извинилась я.

Наверное, теперь ослу стало удобно, зато пассажирка начала испытывать дискомфорт.

Но вскоре я абсолютно случайно обнаружила стремяна, всунула в них ступни и почувствовала себя счастливой. Правда, радость длилась недолго, потому что нос уловил крайне неприятный запах, который исходил от животного. Очевидно, ишак не привык каждый день пользоваться душем, никогда не употреблял дезодорант и не имел понятия о зубной щетке.

Стараясь не дышать полной грудью, я покачивалась в седле, озирая окрестности. Наконец мы оказались на перекрестке. Ослик остановился и понурил голову.

– Давай, милый! – приободрила я его. – Надеюсь, ты не забыл дорогу?

Ишак задвигал ушами.

– Сделай одолжение, – простонала я, – не шевели ими, очень воняет. Ну, Пафнутий, вперед!

Ослик чихнул, но с места не сдвинулся. Я слегка пнула его пятками:

– Пафнутий! Не спи!

Ишак повернул голову и дыхнул мне в лицо, отчего я чуть не вывалилась из седла.

– Фу! Прекрати, Пафнутий! Эй, шевели лапами! То есть переступай копытами! Пафнутий, шагай же! Или тебя зовут по-другому? Извини, дорогой, не хотела тебя оскорбить. Вспомнила, ты Пантелеймон!

Но и это весьма красивое имя не произвело на длинноухого должного впечатления.

– Пантелеймон, – осторожно повторила я, – цып, цып, иди вперед.

Осел задрал голову, отвел назад серые уши, открыл пасть и заорал:

– И-и-и-и-а...

На секунду я оглохла и вроде как даже ослепла – никогда не предполагала, что вонь и отвратительный рев способны лишить человека зрения. А осел так и замер – с разинутым ртом.

– Солнышко, – прошептала я, – если ты не Пантелеймон, значит, Панкрат. Ведь так?

– А-а-а-а-а... – затянул ишак.

Из соседних кустов во все стороны разлетелись крохотные птички, с ближайших елок посыпались молодые шишки.

– Спокойно, Прохор! – скомандовала я. – Соблюдай тишину.

Осел стал трясти задом, я вцепилась в кожаную петлю.

– Платон! С ума сошел?

Задние копыта транспортного средства начали отбивать дробь.

– Павел! – взывала я. – Паша, не дури!

В ту же секунду седло скособочилось, ишак выгнул спину, и я рухнула на землю. На меня лавиной обрушилась масса новых впечатлений. Во-первых, свалиться даже с небольшой высоты больно, во-вторых, несмотря на жаркое засушливое лето, земля оказалась сырой, в-третьих, крапива, куда я угодила, очень неприятно жжется, в-четвертых, ослы умеют смеяться.

Да, да, можете мне не верить, но отвратительное животное, сбросив меня, растянуло губы и стало откровенно хихикать.

– Тебе весело, Парамон? – осведомилась я, вставая. – Ну ничего, сейчас залезу в седло и посмотрим, кто кого! Не так уж много существует мужских имен на букву «п», переберу все и вспомню твое. Петр... Нет, слишком просто, ишака звали заковыристо. Полад! Пахом! Поликарп! Полкан!

Я перевела дух. С Полканом я погорячилась, это явно собачья кличка. Что там еще есть из старинных? Путислав, Путята, Патрикей, Парфен... У меня когда-то была пятерка по русской литературе, и я подстегнула свою память «Ну-ка, Танечка, вспоминай героев произведений нашей классики!» Перфилий, Паисий, Павлин... Да, да, существовало имя Павлин – насколько помню, в пьесах А.

Островского частенько фигурировали всякие купцы с отчеством «Павлинович».

Но почему я так уверена, что имя моего транспортного средства начиналось на «п»? Ведь начисто забыла, как его называл Антон. Вполне вероятно, что первая буква «т». Трофим, Терентий, Тихон, Тихомир, Трифон, Тимофей, Тарас...

Осел развернулся и с быстротой молнии помчался по одной из тропинок. Я бросилась за ним, выкрикивая:

– Назар, Модест, Кондрат, Захар, Кузьма, Митрофан! Черт тебя побери, Харитон! Тпру, кис-кис, цып-цып, джага-джага, оле-оле!

Но ишак все летел вперед. В конце концов мы галопом выскочили на небольшую площадь, посреди которой стояла ладная избушка. Я остановилась, вытерла рукавом вспотевший лоб, подождала, пока сердце перестанет колотиться о ребра и уйдет резкая боль в правом боку, а потом сказала ослу:

– Надеюсь, Перикл, тебя забудут покормить ужином!

Осел опустил голову, заморгал и мгновенно стал похож на милейшее, нежнейшее существо, такого зайчика-переростка с трогательными ушами и умильной мордой.

– Обманивай кого-нибудь другого, мерзавец! – не успокаивалась я. – Теперь я знаю твою сущность!

Из домика вышла девушка в серо-синем свитере и мешковатой юбке.

– Доброго денечка! – закивала она. – Как добрались? Не запыхались? Я Устинья. А вы Таня Сергеева? От барина Федосова? На погляд?

Итак, у девчонки есть мобильный. Иначе как она узнала про мое появление? Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы сообразить: управляющий соединился с Устиньей. Небось и у Антона лежит в кармане сотовый, мерзкий Куприянов просто не захотел поговорить с дедом. Что тут вообще происходит?

– Хотите обустроиться? – склонила набок голову Устинья. – Осталась одна изба. Вы к нам как, на время али на жизнь?

– Дайте воды, – попросила я, ощущая себя героиней идиотской сказки.

Устинья сходила в дом и вынесла обычную алюминиевую кружку, чуть мятую.

– На здоровье, – поклонилась она мне, протягивая посудину.

Я отхлебнула ледяной жидкости, и у меня тут же заныли зубы. Вкус у воды был странный.

– Хороша? – заулыбалась девушка. – Не из трубы, из колодца! Исконно русская!

Я вернула ей кружку. Вода не может быть немецкой, французской, еврейской или арабской, она просто вода. Жидкость не имеет национальности!

– Дык пойдете? – спросила Устинья. – Вона туточки, рядом!

В полном ошалении я пошла за девушкой и очутилась около домика из бревен. Устинья присела на корточки, пошарила рукой под крыльцом, достала большой ключ, отперла дверь и засмеялась.

– Загадка вам: не лает, не кусает, а внутрь не пускает. Это кто?

– Кошка, – ляпнула я, не подумав.

– Замок, – с легким разочарованием протянула Устинья. – А вот другая: без окон, без дверей полна горница людей. Это кто?

– Давайте внутрь зайдем, – остановила я девушку.

– Вступайте, – сказала Устинья, – токмо пригнитесь, а то о притолоку шарахнетесь, больно низко у Марфы.

Я, согнувшись, вошла в комнату и попросила:

– Свет не зажжете? Темно здесь.

– Ща, – пообещала Устинья, пошуршала бумагой и... тонкий огонек свечи задрожал на большом грубо отесанном столе.

– Ну усё тутa для счастья! – завосхищалась Устинья. – Лежаки крепкие, а то и на печи можно спать, лавки целые, чугунов полно, ухватья отличные. Ежели пожелаете, любая скотина ваша: буренка, куры-петухи, гуси. Огниво хорошее, свечи сами делаем, вода в колодце, дрова в лесу...

– Это гостиничный номер? – уточнила я.

– Изба для житья, – затрясла головой Устинья. – Их у нас всего две оставались, «Марфа» и «Владимир». Вернее, одна «Марфа», «Владимира» вчера арендовали, через неделю заедут. Сердце радуется! Бегут люди из идолового капища, из города постылого, охота им к природе прильнуть. А мы здесьa традициев не нарушаем, обитаем по родительским привычкам. Вас ведь с истoрией познакомили?

Я села на твердую лавку, покачала головой:

– Нет.

Устинья уселась рядом, подперла подбородок кулаком.

– Совсем-совсем не слышали?

– Ну... в общих чертах, – осторожно ответила я.

– Не побрезговаете в нашу хатку вернуться? – предложила Устинья. – За квасом беседа лучше потекёт.

– С удовольствием, – кивнула я. И мы пошли назад, туда, где спокойно щипал сочную траву осел с редким, так и не всплывшим в моей памяти именем.

Устинья выставила на стол большой кувшин и похвасталась:



– Ржаной квасок, с хреном! Секрет бабушка мне передала. Пейте всласть.

– Лучше кофе, – попросила я.

Девушка заморгала.

– Чего?

– Кофейку нальете? Растворимого.

– А это что такое? – разинула рот Устинья. – Суп али второе заморское?

Я вцепилась руками в лавку, потом перевела дух. Так, девушка тоже не в себе.

– Шуткуете... – засмеялась Устинья. – Может, каши хотите? Или брюкву пареную? Ой, вкусная! Мед! Сегодни день постный, можно паренкой лакомиться. Ишо киселек есть, овсяный.

– Скажите, вас на самом деле зовут Устиньей? – спросила я не в тему .

– А как же иначе? – поразилась девушка.

– Ладно, – кивнула я. – Спасибо за прием и угощение, честно говоря, я ищу Владимира.

– А в ём живут! – Устинья сложила руки на коленях.

– Простите?

– За что? Ничего плохого вы не сделали.

– Мне нужно поговорить с членом клуба по имени Владимир, – повторила я.

Устя заморгала.

– Чле... чле... как? И кто такой клуб? Давайте лучше киселька набуровлю. Он для желудка полезительный.

– Хватит ломать комедию! – вышла я из себя.

– Про што речь ведете?

– Устя, у вас тут, наверное, есть ноутбук, подключенный к Интернету?

– Че? Бук не растет в нашем лесу. Елки да дубы с осинами.

– Или вы используете мобильный?

Устинья сжалась в комок:

– Барыня, милая, не ругайтесь! У меня ума особого нету. Маменька велела вас встретить да «Марфу» показать. Не справилась я, не сумела. Ой-ой-ой, розог дадут, на конюшне выпорють...

– Прекрати! – слышалось со двора, и в дом вошла крепкая женщина в темном платье. – Ишь, заболтала чушь! Ступай, умойся, дурь из головы вышибет.

– Сейчас, маменька, уже понеслась, – подхватила Устя и птицей улетела из комнаты.

– Меня зовут Домна, – представилась незнакомка. – А вы Татьяна? Хотели вступить в клуб? Приехали осмотреться? И каково впечатление?

– Пока странное, – честно призналась я. – Понимаете, я практически ничего не знаю о «Лучших временах».

– Зачем тогда сюда стремитесь? – резонно спросила Домна.

– Женя посоветовал, – я решила свалить ответственность на неведомого Федосова, – сказал: устала ты, Танечка, есть замечательное место, шикарный поселок.

– Ну-ну... – усмехнулась Домна. – Пейте квас, расскажу вам о «Лучших временах».

– Мне бы кофейку, – заикнулась я.

Домна нахмурилась.

– В своей избе его не держу, а за других не отвечу. Чужая жизнь потемки, я к людям в погреба не лажу. Может, кто и бананами даже балуется. Хотя, с другой стороны, зачем тогда в нашем селе жить? Их в любом вертепе можно приобрести. Ох, вижу, барин Федосов и правда вам сути не растолковал...

## Глава 7

Домна оказалась умелой рассказчицей. Через полчаса беседы у меня появилась почти твердая уверенность в том, что я знаю, кем работала она до того, как переселилась в «Лучшие времена», – скорей всего, учительницей, уж очень подробным и последовательным было ее повествование.

...Обретя блага цивилизации, получив автомобили, компьютеры, телевидение и антибиотики, люди почувствовали себя счастливыми. Но за все надо платить. Ритм жизни убыстрился, время помчалось со стремительной скоростью, люди практически перестали общаться между собой, превратились в невротиков, озабоченных бесконечным добыванием денег. И кое-кому захотелось вернуться к патриархальному быту русской деревни, пожить так, как прадеды жили.

В девяностых годах прошлого столетия один предприимчивый бизнесмен купил несколько гектаров леса и основал «Лучшие времена».

Поселение делится на две части. В северной обитают постоянные жильцы, в южной – те, кто хочет провести здесь отпуск или несколько месяцев. Дома не принадлежат обитателям, они их снимают, а не покупают, владелец поселка оставляет за собой право расторгнуть контракт с любым, кто станет мешать остальным.

Правила в «Лучших временах» достаточно простые. Тут нет никаких благ цивилизации: водопровода, электричества, газа, канализации, телефона, Интернета и прочего. Жильцы заготавливают дрова, варят каши, используя русские печи, держат коров, кур, за водой ходят к колодцу, моются в бане. Долгими зимними вечерами люди собираются у Домны – ее дом нечто вроде клуба, а заодно и административное помещение.

– Живем весело, – бодро вещала Домна, заученно улыбаясь, – песни поем, книги вслух читаем. Если не захотите ни с кем общаться, то вас тревожить не станут. Вот, например, в Фотине бирюк кукует.

– Где, простите? – не поняла я.

Домна поправила платок на голове.

– У нас каждый дом имя имеет, как раньше на Руси водилось. Не по номеру, а по хозяину адрес был. Ну, допустим, такой: село Красное, изба Михаила Хромого. Наверное, отсюда и фамилии образовались. Спрашивали люди: «Как к Михаилу пройти?» А на деревне Мишек трое: высокий, хромоногий и красивый. Вот и отвечали им: «Миша хромой слева, у колодца». Но в «Лучших временах», в особенности в той части, что помесечно сдается, такую традицию соблюсти трудно, меняются же хозяева, поэтому избы сами носят имена. Одна пустая сейчас стоит, «Марфа». Поживите в ней, не пожалеете.

– Я работаю.

– Ну и что? – пожала плечами Домна. – У нас есть такие, кто в Москву шастает. За воротами есть стоянка для машин, там можно свою оставить. Да только все меньше таких людей к нам обращается, неохота народу в ад бегать.

– Как же с продуктами? – поразилась я.

Домна прищурилась.

– Никто никому ничего не запрещает, в сумки, что хозяева от ворот прут, не заглядывает, но все равно большинство от магазинной еды отказывается. Я уж давно ни чаю, ни кофе, ни какао не пью, только воду колодезную, квас, кисель.

Понимаете, тело нам от родителей досталось, они его тоже от предков получили, а кофе – чужая забава, африканская. Наши прадеды киселек кушали, и нам его есть надобно.

– Интересно, – протянула я.

– Хотите мой совет? – склонила голову набок Домна.

– С огромным удовольствием приму! – воскликнула я.

– Если вы не готовы взять дом для постоянного проживания, снимите «Марфу» на месячишко. День в городе, ночь у нас. Через недельку вам станет ясно, чего душа просит.

– Вы правы, – согласилась я. – Вот только в «Марфу» мне не хочется.

– Почему?

– Ну... не знаю. Не пришелся мне домик по душе. Можно во Владимир заглянуть?

– Он занят, его вчера арендовали, скоро займут.

– А кто прибудет?

Домна кашлянула в кулак.

– То неведомо. Именами я не интересуюсь. Люди здесь по-другому называются. Вы тоже можете по-любому именоваться.

– А где расположен «Владимир»? – спросила я.

– Через версту от «Марфы», в березовой роще.

– Можно хоть издали посмотреть на избу?

– Запретить не могу, – вздохнула Домна, – заборов у нас, как и у древних русичей, нет, да только каждому человеку уединения хочется, надо уважать чужие желания. Сами, ясный день, можете куда угодно заглядывать и с любым человеком толковать. А уж ответят вам или нет, мне неизвестно. К «Владимиру» вас не поведу, но ежели сами пойдете...

– Ясно, – вздохнула я. – Значит, ни света, ни газа, ни Интернета, ни телефона?

– Да.

– А сумки у входа не досматриваете?

– Нет.

– Так кто мешает мобильный протащить? Или ноутбук?

Домна заморгала.

– Никто. Но куда вы технику подключите? Ни одной розетки в «Лучших временах» не найдете. И зачем в старинном селении жить, если охота по переносному устройству болтать? Так берете «Марфу»?

– Мне надо подумать.

– Хорошее дело, – одобрила Домна, – голова ведь первее сердца. Но только ежели кто иной снять до вас успеет, давайте без обид! Я предупредила вас: одна изба осталась. Лето на дворе, вот люди и бегут к земле. Зимой у нас случаются пустые избышки, а в теплый месяц нет, «Марфа» быстро уйдет. Ее только вчера освободили, хорошая женщина в ней жила, отпуск проводила. Только она съехала – интерес к избе разгорелся. Сегодня еще двое должны прийти «Марфу» глядеть.

– Сколько стоит месяц проживания? – задала я конкретный вопрос.

Ответ Домны заставил меня крикнуть.

– Дороговато для жилья без удобств, – заметила я.

Хозяйка опять поправила платок.

– Не себе деньги беру, служу за избу, гляжу за порядком, а заодно мы с Устей тут век коротаем. Мне главное – дочь от соблазнов города уберечь, хоть он и рядом, да далеко.

– Можно зарезервировать избу?

– Конечно, – согласилась Домна.

– Я поеду за деньгами.

– Устраивайтесь спокойно, оглядитесь. Ежели чего надо, приходите, все дам, – пообещала Домна. – Первое время, конечно, здесь непривычно, но потом легко будет.

– Но я пока не заплатила.

– Отдадите позже, я верю людям на слово.

– Нет уж, лучше схожу в банк.

– Хозяин – барин.

– До которого часа пускают в поселок?

– Тут не тюрьма, время для посещений не ограничивают, продукты не взвешивают, сигареты не режут и день свиданий не назначают, – скрестила руки на груди Домна.

– Наверное, Антон запирает ворота, – предположила я, испытав отчего-то удивление, смешанное с неловкостью.

– Щеколда всегда накинута, но ее легко открыть – за веревочку снаружи дерните, и калитка отворится.

– То есть здесь нет охраны?

– Антон покой блюдет.

– Не похож старичок на секьюрити, пожилой совсем.

– Вот и хорошо, молодые невнимательные.

– Но Антону не справиться с бандитами!

Домна подошла к небольшому окошку и выглянула на улицу.

– Лихим людям тут делать нечего, – убежденно ответила она. – Горшки чугунные да ухваты никому не надобны, корову со двора свести трудно, курицу и ту не упереть, квохтать на всю деревню начнет. А если кому она и понадобится, пусть берет. Нет, спокойно здесь, насильников не случается. В ином поселке танк у забора поставят, а порядка нет. У нас же один Антон с колотушкой – и тишина благодатная. Не бойтесь, мы домов не запираем, прямо как в лучшие времена. Потому и село наше такое название имеет, доброе. Значит, за деньгами подадитесь?

– Да, – кивнула я.

– Как вернетесь, сюда загляните, отведу вас в «Марфу», – пообещала Домна. – Вы какой дорогой от ворот шли? Длинной али короткой?

– Антон мне осла одолжил. На редкость противное животное! – призналась я.

Домна усмехнулась.

– Потайей у нас с характером. Правда, Рикси еще хуже, я к нему даже подходить не рискую. Антон животных шибко любит и он большой шутник, вот и посадил вас на Потапия – решил ослика прогулять, тот завсегда кругом бежит. Ну-ка, идите сюда...

Я приблизилась к окошку.



– Видите высокую березу? Ствол толстый, а потом он разделяется на три дерева.

– Да, – закивала я.

– Направляйтесь в ту сторону, там вход.

– Береза совсем рядом! Или она такая большая, что это обман зрения?

– За пять минут медленным шагом дойдете.

– А Антон про шесть-семь верст пути говорил, – наябедничала я.

Домна села на табуретку.

– Дошуткуется когда-нибудь... Хотите, велю Усте «Марфу» помыть? Там чисто, но все равно освежить не помешает.

– Неудобно вашу дочь эксплуатировать.

– Мой ребенок, хочу – в печи испеку, хочу – с молоком съем, – серьезно ответила Домна. – Пусть работой занимается, тогда дурь из головы уйдет.

Домна оказалась права, я дошла до калитки меньше чем за три минуты. Хотела уже поднять щеколду, но тут заметила тоненький проводок, спускавшийся к замку. Чья-то хозяйственная рука очень тщательно покрасила проводку, она почти полностью сливалась с деревяшкой. Я изумилась: понятно! Значит, есть и камера, и электронный замок, но, чтобы жители «Лучших времен» ощущали себя в восемнадцатом веке, признаки технического прогресса завуалировали. Наверное, днем-то вход свободный, а на ночь поселок тщательно запирают. И насчет «свободного входа» я погорячилась – меня же пропустили отнюдь не сразу. Наверняка тут есть помещения, где возле мониторов сидят крепкие парни в форме.

Я вышла на улицу и оглохла. После тишины поселка даже неживленная, почти пустая улица Калашникова показалась мне излишне шумной.

Я вынула телефон и набрала номер начальника.

– Чеслав, – коротко прозвучало в трубке.

Быстро отчитавшись о проделанной работе, я получила одобрение на съём избы и услышала странную фразу:

– Ну, мы полетели.

– Кто и куда? – проявила я не совсем уместное любопытство.

– Отправляемся с Коробковым, Мартой и Гри в командировку, уже ремни пристегнули, в самолете сидим.

– А я?

– Что «ты»?

– Почему меня не взяли?

– Ты работаешь по делу Бондаренко, – бесстрастно пояснил Чеслав.

Перед моими глазами невольно развернулась картинка. Салон лайнера, три кресла, в них расположились члены нашей группы. Марта, расфуфыренная по полной программе, капризно требует у бортпроводницы:

– Принесите капучино. Мне плевать, что самолет еще не взлетел, и насрать на отсутствие на борту агрегата для эспresso. Готовь капучино! Хоть у себя на грудях свари! Действуй живей, а не то велю своему папе аэропорт купить и отправлю тебя оформлять рейсы Москва – Чуркистан. Шевелись, коза недоеная!

Тирада произносится госпожой Карц небрежно, сквозь зубы, и притом Марта лениво изучает только что сделанный маникюр. Сколько раз я наблюдала подобное и всегда поражалась гипнотическим способностям баловницы. Ей сейчас непременно принесут капучино, стюардесса раздобудет напиток. Но если другая пассажирка в момент взлета потребует горячий кофе, ей покажут известную фигуру из трех пальцев.

А Коробков в этот момент наверняка уткнулся в ноутбук. Волосы Димочки небось стянуты резинкой в хвост, уши заткнуты наушниками от плеера, правая рука хакера управляет мышкой, левая посылает кому-то эсэмэски. Навряд ли Димон сменил свою сильно помятую клетчатую рубашонку и замызганные джинсы на приличную одежду, и он явно полакомился гамбургером с чесночной подливкой. Удивительно, но Марта тоже обожает фастфуд, и они с Коробковым часто лопают из пакетов отвратительную пищу. Если уж быть точной, то рты у светской львицы и у компьютерщика никогда не бывают пустыми. Либо парочка жует «нагетсы», картофель фри, бургеры, либо чипсы, орешки, сухофрукты, конфетки-карамельки, зефирки – шоколадки – семечки – леденцы... Ну почему, потребляя немереное количество калорий, и Карц, и Коробков остаются похожими на вязальные спицы, а я, нюхающая только листик салата, напоминаю слона после посещения кулинарного фестиваля? Кто-то еще продолжает считать наш мир справедливым?

Чеслав, естественно, облачен в строгий темно-синий костюм: пиджак и идеально выглаженные брюки. Один раз бригаду забросило в лес, мы пролежали в овраге несколько часов, отплевываясь от глины. Представляете, какими красавцами мы вылезли из укрытия, да? А теперь оцените размер моего удивления, когда, сев наконец-то в машину, я оглядела Чеслава и увидела: он одет в чистенький, без единой морщинки костюм, к которому таинственным образом не прилипло ни одной соринки. С тех пор я пребываю в твердой уверенности, что у Чеслава в брюки встроены утюги, а в пиджак – замаскированные щетки-липучки.

В самолете Чеслав всегда спит, а вот мой муж Гри предпочитает смотреть кино. Голову на отсечение даю, что сейчас вся женская часть лайнера уставилась на моего законного супруга. Через несколько минут после взлета, когда погаснет табло «пристегните ремни», мимо кресла Гри начнут шнырять особы противоположного пола и строить глазки самому красивому мужчине на свете. Если я присутствую при подобной сцене, мой комплекс неполноценности начинает расцветать ярким цветом.

Как-то раз Марта Карц заявила одной из клеившихся к Гри девиц:

– Эй, кукла, слушай, допустим, ты утащишь нашего Святого Иосифа под одеяло. И что с того?

– И что? – изумленно повторила нахалка, нагло напирая на Гри.

– Он с тобой потрахается, – спокойно пояснила Марта, – раз, другой, третий. Но учти, с женой Гри не разведется, ему нужна клуша с восторгом в глазах. Ты начнешь скандалить, он ответит, в конце концов вы подеретесь и разбежитесь, изрядно попортив друг другу нервы. Круто получится: десять минут в койке и десять месяцев геморроя. Хочешь совет?

– Ага, – растерянно кивнула девица.

– Канай отсюда, не стоит один оргазм горы мигрени. – Марта зевнула. – Кстати, тетя справа – жена Гри. Она может на тебя сесть и раздавить. На моих глазах уже пять идиоток под нею погибло.

Девчонка побагровела и исчезла, Марта еще раз зевнула и отвернулась к окну. А я застыла в недоумении: как мне поступить? Поблагодарить Карц за то, что она турнула наглуую особу, или обидеться на нее за то, что изобразила меня этаким слоником?..

Я потрянула головой, прогнав воспоминания.

– Вполне можешь сама справиться с задачей, – мирно договорил ничего не подозревающий о моих мыслях Чеслав, – пора личный опыт набирать. Короче, ориентируешься по обстоятельствам.

– Но как же? Я привыкла в группе, – залепетала я.

– Отвыкай, – почти ласково сказал Чеслав. – Наши все умеют работать в автономном режиме, и телефонов никто не отменял. Да, чуть не забыл.... Гри сидит у окна, рядом с ним Дима, Марта устроилась в проходе. Никто на твоего мужа не пялится, никому он не нужен. Удачи.

Трубка запищала. Упав сейчас небо на землю, я и то удивилась бы меньше. Значит, Чеслав знает о моих душевных терзаниях! Кто ему сказал? Гри? Но я никогда не признавалась мужу, что ревную его. Марта? Навряд ли. Госпожу Карц интересует лишь собственная персона, на чувства окружающих она не обращает ни малейшего внимания. Значит, Чеслав сам догадался. Ой, как нехорошо! Члены группы не лезут в личную жизнь друг друга. Правда, жизнь Марты трудно назвать «личной», каждый ее чих обсуждает пресса, но вот о Чеславе и Диме мне не известно ничего.

Вас удивляет, что Гри не сообщил мне о командировке? Уверена, он не знал о планах начальства. Очень хорошо представляю, как обстояло дело. Чеслав обзвонил ребят и сказал: «Ровно в полдень. Аэропорт Домодедово. Берете только необходимое».

Сколько раз я срывалась, услыхав подобные слова, из дома и потом оказывалась в лайнере, забыв зубную щетку. Теперь-то меня не проведешь, я всегда ношу в сумочке «малый тревожный запас», в который входят таблетки от головной боли, паспорт, складная зубная щетка и кое-какие мелочи. Нынче меня не застать врасплох! Но я никогда не работала одна, умею только...

Противное пиканье прервало ход моих мыслей, я схватила телефон. Эсэмэска! Наверное, от Гри – муж решил пожелать мне успеха. Он такой внимательный, милый, нежный...

Я уставилась на текст. «Бросили кошку в воду, велели плыть. Не бойся, я с тобой. Начнешь тонуть, звони по номеру». Далее шли цифры. Сообщение оказалось от Коробкова, который, как теперь выяснилось, имеет еще один мобильный. Впрочем, я не удивлюсь, если номеров у Димы окажется три, четыре, пять, шесть...

Я встряхнулась и пошла по улице Калашникова туда, где она вливалась в широкий проспект. Пусть я и не гений общения, как Марта, пусть не умею общаться на «ты» со всеми компьютерами, как Дима, пусть не талантлива, как Гри, не умна, как Чеслав, но я тоже кой-чего могу – умею подмечать мелкие детали. Увидела ведь, что Оксану Бондаренко переодели. Сколько народа смотрело запись, но никому, кроме меня, не пришел в голову вопрос: а с какой стати похититель решил поменять бордовую водолазку бухгалтерши на белую кофту? Ответа у меня пока нет, но я носом чую: найду его и узнаю, что случилось с Бондаренко. Вернее, я в курсе – ее убили перед камерой. Осталось лишь выяснить: кто, за что, и где захоронено тело? Вот докопаюсь до истины, и Гри перестанет с восхищением смотреть на Марту Карц, он сможет гордиться собственной женой.

В магазине «Рюи Блаз» не оказалось ни одного покупателя. Я вошла в небольшой торговый зал и приветливо улыбнулась девушке на кассе.

– У нас вещи только из Франции, – вместо «здравствуйте» заявила она.

– Замечательно, – воскликнула я.

– Самый большой размер сорок второй, – не успокоилась девица, – вам лучше в другой магазин обратиться.

Я стала молча перебирать вешалки. В советские времена грубость и бестактность работников прилавка были объяснимы. В эпоху тотального дефицита человек «при колбасе» или «при ботинках» чувствовал себя королем, вершителем судеб. Если хотел, мог одарить колечком «Краковской» или сапогами на меху, а коли покупатель ему не нравился, то бедняге приходилось уходить с пустыми руками. Но сейчас-то, когда всего завались, неужели можно так разговаривать с заглянувшей в магазин дамой? Может, я хочу приобрести подарок для тощей подружки?

– Модели маломерные, – декламировала продавщица, – зауженные, в талию, а вам нужен свободный покрой.

Ага, носи, мол, жирная туша, балахон на танк, не шастай по лавкам, где вывешены прикиды с задворок Парижа!

Думаете, хмят только в дешевых магазинах или в таких, как эта лавочка на окраине города? Вовсе нет.

Недавно Марта, давясь от хохота, рассказала, как ее очередной любовник Сержик (то ли владелец копей царя Соломона, то ли хозяин Тихого океана) решил приобрести «Бентли». Дешевенькую машинку, примерно за триста тысяч евро, на базар за картошкой ездить. В принципе, понятно, не ехать же ему на рынок за рулем «Роллс-Ройса» или «Майбаха»!

Сержик приехал в автосалон на пресловутом Рублево-Успенском шоссе, вошел в торговый зал, обнаружил на подиумах несколько «Бентли» и увидел за столом девушку, с увлечением читавшую очередную новинку от Смоляковой.

– Покажите мне «Бентли», – попросил Сержик и грохнул перед продавщицей кейс, набитый пачками евро. – Хочу самый упакованный, нафаршированный по полной программе, с пепельницами из клыков австралийского моржа.

Продавщица моргнула, лениво оторвала взор от романа, глянула на чемодан, на Сержика, одетого в дизайнерский костюм и потряхивающего часами стоимостью в бюджет малой африканской страны, затем громким голосом поинтересовалась:

– Оно вам надо, на «Бентли» смотреть?

Сержик растерялся. Согласиться, вывести из равновесия парня, который на пути к богатству утопил всех конкурентов, довольно непросто, но продавщица проделала этот трюк легко. Задав вопрос, девушка вновь впилась взором в роман Смоляковой.

Сержик икнул, подхватил кейс, пошел в соседний салон, купил там «Мазератти» и умчался домой, впервые за много лет испытав комплекс дворовой собачки.

Мне бы тоже следовало покинуть «Рюи Блаз» с гордо поднятой головой. Но передо мной-то стояла задача не шмотки приобрести, а нарыть информацию.

– Красивые кофточки, – завела я беседу.

– Маломерки.

– Цвет изумительный.

– Больше сорок второго не найду, – упорно стояла на своем девушка.

– Ой, они все разные!

– Ну да, – смилостивилась продавщица, – двух одинаковых нет.

– А цена вполне приемлемая!

– Нераскрученная марка, хозяин на рекламу пожадничал, вот и очутился в полете. Еще и маломерки.

– В России много стройных женщин!

Девушка оттопырила нижнюю губу.

– Среди молодых. Ваш возраст весь в пятидесятом ходит.

Мне стало обидно.

– Ну и что?

– Модели старперские, а размерчик тинейджеровский. Кто такие возьмет? Да еще магазин на отшибе, к нам за неделю полтора покупателя заходит, – неожиданно улыбнулась девушка.

– Вас Наташей зовут? – спросила я, косясь на бейджик, украшавший грудь продавщицы.

– Точно.

– Помогите мне, пожалуйста.

– Уж не дуйтесь, – вдруг совсем по-человечески заговорила Наташа, – правда, размерчики крохотные. Ступайте лучше на Котельную, туда поступают вещи из мегамолов, найдете кучу суперских вещей.

– Нет, меня интересует блузка именно от «Рюи Блаз», белая, может, с легким кремовым оттенком, на воротнике немного искусственного жемчуга. Сейчас покажу... – Я вытащила мобильный и открыла фото, присланное Коробковым. – Вот такая.

– Забавно... – протянула Наташа. – Была подобная, сорокового размера, и он ее взял, хотя сначала тридцать восьмой требовал.



– Кто? – обрадовалась я.

Наташка потянулась.

– Да мужик какой-то. Вернее, парень...

Тот молодой человек влетел в магазин и, не отдышавшись, с порога заорал:

– Давай кофту, белую!

Наташа, весьма удивленная поведением покупателя, ответила:

– Чисто белых нет.

– Не тренди! – вскипел он и странно дернул верхней губой. – А это чего?

– Вы показываете на модель цвета «слоновая кость», – объяснила продавщица.

– Пробивай! – приказал посетитель.

– Наверное, не себе берете? – предположила Наташа.

– Поглупей вопроса не нашлось? – обозлился покупатель.

– Позвоните той, что послала вас за блузкой, и посоветуйтесь, – порекомендовала девушка. – Белый и кремовый цвет – большая разница!

Наташа не вредная зануда, она просто хотела помочь человеку сделать правильную покупку, поэтому уточнила размер и цвет.

И тут парень в один прыжок преодолел расстояние между порогом и прилавком, больно схватил девушку за плечо и прошипел:

– Меня нельзя послать! Усекла?

Наташа испугалась. Покупатели в торговую точку практически не заглядывают, а жлоб-хозяин, решив сэкономить, не установил «тревожную кнопку». «Кому ты тут нужна? – заявил владелец лавки, когда Наташа напомнила ему об охране. – И вообще я скоро ликвидирую магазин, так что не стану зря деньги тратить...»

И правда, на улице Калашникова царит почти патриархальная обстановка, даже то, что «бутик» находится рядом с гудящим проспектом, никак не влияет на его посещаемость.

– Пешеходов практически нет, – пояснила мне продавщица, – ближайшие жилые дома находятся за четыре квартала. Внизу лесной массив, там какая-то гостиница, а вокруг развалины.

– Странное место выбрал ваш хозяин для магазина, – удивилась я.

Наташа оперлась спиной о прилавок.

– Нет, вы не правы. «Рюи Блаз» открылся пятнадцать лет назад, тогда здесь повсюду НИИ были, а в них бабы сидели. Со шмотками в те годы было плохо, у метро «пекинскими блузками» торговали. Вот Павлуха – это наш босс, Павел Семенович Крикунов, – и подсуетился. Снял в одном НИИ склад, помещение под магазин арендовал и открыл торговлю женской одеждой. Она у него в первые годы конвейером улетала, Павлуха еще штук двадцать лавок в разных местах открыл. Но вовремя понял: ситуация будет меняться, нужно более серьезным товаром заняться. Теперь Крикунов БАДы впаривает. Слышали про них?

– Ну... в принципе...

– Биологически активные добавки, – расшифровала аббревиатуру Наташа. – Не лекарства, а ерунда из травы. Хотя, когда у моей мамы давление вверх полезло, Павел дал мне сироп из черноплодной рябины, велел пить утром и вечером. Не поверите, помогло лучше таблеток!

– Очень даже верю, – возразила я. – Пилюли из химии люди недавно изобрели, а ранее столетиями травами лечились. Значит, Крикунов занялся товарами для здоровья?

– Он еще и фитнес открыл, – с детской завистью заметила Наташа, – на Рысакова.

– Хорошо, когда бизнес развивается!

– Ага, одни деньги гребут, а другие пустую тарелочку облизывают, – пригорюнилась девушка. – У меня зарплата – слезы. А еще – смех да и только! – процент от продаж положен. Вот я и думаю, Павлуха поиздевался или действительно считает, что найдутся дураки, которые сюда зайдут?

– Ну вот я же заглянула.

Наташа наморщила нос:

– Первая за три дня!

Мне стало любопытно.

– Почему же ты не уходишь отсюда?

– Павлуха мне пообещал место в фитнесе, на рецепшен, – пояснила Наташа. – Там весело, много мужчин молодых...

– Понятно, – улыбнулась я. – Надеюсь, тебе повезет встретить свою любовь.

– Спасибо, – тихо ответила продавщица. – В общем, я последние дни здесь стою. «Рюи Блаз» закрывается.

– Странно, что точка не умерла раньше.

– Павлуха контракт с французами подписал, денег огреб немерено и не имел права торговлю прикрыть, себе в убыток лавку держал. Но сейчас все, заканчиваются его обязательства.

– А вещи куда?

Наташа дернула плечом.

– Мне без разницы. Да и мало их осталось, лишь те, что в зале.

Я оглядела кронштейны.

– Хорошие новые блузки. Пусть и старомодного фасона, но кому-то они могут подойти. Неужели их просто выбросят?

Наташа окинула меня взглядом.

– У тебя бабушка есть?

– Давно умерла.

– А мать?

– Тоже.

– Жаль, а то я хотела предложить оставить твой номер телефона. Если Павлуха прикажет на помойку кофты выкинуть, я бы тебе позвонила, ты могла бы взять своим.

– Спасибо, но мне это мало, а...

– Может, подругам подойдут? – Наташа решила во что бы то ни стало осчастливить меня – чем-то я ей приглянулась, что ли?

Я попыталась скрыть смешок. Друзьями я не обзавелась, из близких знакомых есть лишь Марта Карц. Интересно, как отреагируют папарацци, если светская львица явится на вечеринку в блузке от «Рюи Блаз»? Хотя, если хозяин Крикунов предложит ей за это миллион долларов, та, наверное, согласится.

– Короче, говори номер, – наседала на меня Наташа.

Обижать совсем не злую, как выяснилось, девушку мне не хотелось. Я быстро перевела беседу на другую крайне интересную для меня тему:

– Значит, парень взял блузку?

– Угу. Оставалась одна штука, сорокового размера. Он, правда, потребовал тридцать восьмой и обозлился, услышав, что таких и вообще других нет. Заорал: «Живо перешей ее!»

– Забавно!

– Ага. Но тогда мне совсем не смешно было. Я решила, что он из дурки сбежал. «Тревожной кнопки» нет, посетителей точно не дождаться, мобила в подсобке... Стою, трясусь и про себя говорю: «Ну попала ты, Натка». А делать-то что-то надо! Думаю, ведь если зареветь, то лучше все равно не станет, чокнутому мои слезы – тьфу...

Я кивнула. Это точно. Как известно, Москва слезам не верит. Конечно, из любого капкана возможно улизнуть, правда, иногда, чтобы избавиться от его железных «зубов», приходится отгрызать лапу. Только мне кажется: лучше быть хромой, но живой, чем в могиле с полным набором конечностей.

Очевидно, Ната тоже принадлежит к племени лягушек, взбивающих масло. Она решила снять агрессию психа и защебетала:

– Имеются и тридцать восьмого размера кофточки.

– Где? – вполне разумно отреагировал помешанный.

– Могу предложить красную.

– Засунь ее себе в задницу!

– Или черную, – Наташа не теряла надежды уладить дело миром.

– Жесть!

– Коричневую, с гипюровой вставкой.

– Мне нужна белая. Поняла?

– Она одна, сороковой размер, но...

– Заткнись! – заорал парень. – Вот мелет языком! Ненавижу баб!

Наташа постаралась стать меньше ростом. А покупатель вынул из кармана мобильный и протянул:

– Аллё, гараж! Тут есть тридцать восьмого размера красная, черная, коричневая... Не подойдет? Ага, далеко. А еще кость слона, но сороковой! Да? Беру. – И велел Наташе: – Заворачивай кофту! Светлую!

Продавщица ошпаренной мышью метнулась к кронштейну, потом ринулась в подсобку.

– Стоять! – заорал покупатель. – Давай хабар! Скока лавэ?

Наташа назвала цену, псих дернул верхней губой, швырнул на прилавок крупную ассигнацию и по-барски процедил:

– Сдачу себе оставь, на конфеты. Любишь сладкое?

– Да, да, да, – закивала Ната, – очень. Спасибо. Давайте заверну вам покупочку. Коробка бесплатно, бантик, золотая бумага...

Парень сузил глаза:

– Все вы суки! За деньги ползать готовы. Не надо мне твоего дерьма шуршащего!

– Так понесете? – удивилась Наташа. – Блузка запачется, цвет нежный. Наверяд ли вашей девушке понравится, что ей...

Покупатель швырнул блузку на прилавок.

– Мои девушки молчат, – зловеще проговорил он, – если, конечно, жить хотят. Ясно?

Наташа схватила пакет, стала укладывать в него блузку, мысленно ругая себя за излишнюю услужливость.

– Не бойсь! – развеселился покупатель. – Хочешь, поцелую?

Наташа, ожидавшая чего угодно, кроме подобного предложения, села под прилавок и закрыла голову руками.

– Зря, – донеслось уже издалека, – многим нравится, еще и добавки просят!

Хлопнула дверь, но Наташа еще минут пятнадцать просидела под прилавком...

– Испугалась я ужасно, – призналась она мне сейчас. – Впервые такого встретила! Знаете, что самое страшное?

– И что же?

– Он симпатичный! Хоть и жуткий, – вздохнула Наташа. – Похож на белого кролика.

– Маленький альбинос с красными глазами? – не утерпела я. – Однако... Вам нравятся мужчины с экстремальной внешностью?

– Нет, – засмеялась Наташа. – Понимаете, глаза у него... страстные. У моей бабушки в деревне кролик жил – вроде мелкий, неприметный, так он кур бил, петуха корёжил, а один раз на козла напал. И справился, напугал его, тот сбежал. Честное слово, я не вру! И парень на него похож. Я в какой-то момент чуть на шею ему не бросилась. А уж когда поняла, что из-за бусинок он вернуться может, прям голову потеряла. И боюсь, и увидеть хочу! Когда дверь сегодня открылась, на меня словно кипятком плеснуло: он идет... Фу! Что это со мной, а?

– Резкое обострение глупости, – ответила я. – Или синдром жертвы. При чем тут бусы?

Ната открыла ящик стола и вытащила пару светлых бусин размером с горошины перца.

– У блузки, которую он для своей подружки купил, по воротнику жемчужины пущены. Искусственные, разумеется. Пришиты они не ахти как, легко отваливаются, вот я и...

– Понадеялась, что тот псих изъян обнаружит и вернется?

– Ага.

– Ну ты и дура! – не выдержала я.

– От него аж искрило... – жалобно протянула Наташа. – Сексуальный до жути! Прямо вот скрутит и разорвет...

– Как Тузик грелку, – ухмыльнулась я. – Очень сексуально – стать клизмой в лапах Полкана. Гламурно и модно!

– Вы его не видели!

– Вот об этом я действительно жалею! – вырвалось у меня.

– Хорош необыкновенно. Похож на... ну красавчик такой... Сейчас покажу...

Наташа вытащила из-под прилавка глянцевый журнал и хлопнула им по столу.

– Вот!

Небольшое фото запечатлело темноволосого мужчину с простым рязанским лицом, прямо-таки курносого. Шикарный костюм, надетый прямо на голое хорошо накачанное тело, не придавал манекенщику аристократичности, пиджак и брюки смотрелись на нем, как смокинг на асфальтоукладчике. «Вам кажется,



что он простоват? Дело в аромате», – гласила подпись.

– Духи рекламирует, – пояснила Наташа. – Вылитый он! Только у того парня шрам вот здесь, от губы к уху тянется, но непротивный, светлой ниткой. И ртом он немного дергает – брык-брык...

– Нервный тик.

– Что? – Наташа оторвала взгляд от фото.

– Тебе понравился сексуально-агрессивный маньяк с явно демонстративным поведением, криминальным опытом и еще с нервным тиком. Советую держаться от этого типа подальше.

– Он не придет, – с грустью вздохнула Наташа. – Голову на отсечение даю, это он.

– Кто? – я запуталась в рассказе продавщицы.

– Парень с рекламы.

– Забудь, просто похож.

– Нет, точно он. Как вы думаете, если позвонить в журнал, там дадут телефон мужика?

– Ни за что, – помотала я головой. – Спасибо тебе за рассказ, кстати, а как журнал называется?

– «Алиса», – машинально ответила Наташа. И тут же насупилась: – Ага, он и вам понравился! Хотите его найти?

– У меня муж неземной красоты, двухметровый блондин с голубыми глазами, очень талантливый актер, – гордо заявила я. – Зачем мне мальчишка с рекламы дешевого парфюма?

– Мечтать не вредно, – засмеялась Наташа. – Ой, а вы прикольная! Двухметровый блондин с голубыми глазами... Надо же такое соврать!

## Глава 9

Очень довольная собой, я дошла до проспекта, увидела миленькое кафе и села на открытой веранде.

– Ланч стоит триста рублей, – предупредила официантка.

– Хорошо, – кивнула я.

– Три сотни, вы поняли?

– Надеюсь, не евро? – ехидно уточнила я.

– Цена в рублях, – не оценила шутку работница общепита.

– Несите.

– Если откажетесь от первого, стоимость не изменится.

– Прекрасно. Я хочу суп.

– Лапша куриная, – делаясь все более мрачной, заявила девица.

Но я твердо решила пообедать и поэтому воскликнула:

– Супер! Тащите все!

– И хлеб?

– Непременно.

– Масло?

– Сделайте одолжение.

– Триста рублей, – попугаем курлыкнула сотрудница кафе. – Чаевые – как совесть велит!

– Если в ближайшие десять минут я не получу пищу, моя совесть умрет от голода, – пообещала я. – В вашей забегаловке принято оплачивать еду заранее? Если нет, то дуйте на кухню.

– И что только с людьми жара делает... – заворчала официантка, медленно удаляясь в сторону двери, ведущей в служебные помещения. – Бросаются как гадюки, шипят, плюются... А еще некоторые сожрут ланч и убегают с веранды. За фигом столы на воздухе поставили? Вчера салфетки сперли, прямо с вазочкой, стул уволокли... Хоть и пометили их, да вор не остановился. Ну народ! Ну гады! А мне плати...

Дверь хлопнула, ворчунья исчезла в глубине кафе.

Я откинулась на спинку стула и задумалась. Коробков никогда не ошибается. Если он сказал, что блузка, бывшая на Бондаренко в последних кадрах жуткого «кино», приобретена в «Рюи Блаз», значит, так оно и есть. Торговая точка тихо загибается, хозяин не прикрыл магазин лишь потому, что связан контрактом с зарубежными партнерами. Поставок давно нет, предметы одежды остались по одному экземпляру. Приблатненный парень хотел купить белую блузку тридцать восьмого размера, но таковой не нашлось, и тогда он остановил свой выбор на светлой, сорокового, хотя продавщица и предлагала ему вещи нужного размера, вот только они были красного, черного и коричневого цвета.

Значит, покупателю был важен именно цвет! Он пожертвовал размером, дабы приобрести изделие колера «слоновая кость». Но все женщины знают – ни в коем случае нельзя брать блузку, если она велика. Однако «красавчик» схватил блузку из-за ее цвета. И ведь он проконсультировался с кем-то по телефону! На мой взгляд, ситуация очень странная.

Я взяла со стола салфетку и начала складывать из нее лодочку.

Редкий парень пойдет в магазин за одеждой для подружки. К тому же рыцари, если уж они решились на поход за тряпками, приобретают в основном белье. Они, наивные, желая сделать сюрприз, залезают тайком в гардероб, выуживают лифчик, тщательно изучают ярлычок и потом уверенно говорят продавщице:

– Дайте вон тот комплект, черный, размер восемьдесят «В».

Каково же бывает разочарование мужчины, когда дама отказывается носить презент: он неудобен, трет во всех местах и делает грудь плоской. Мысль, что бюстгальтер надо мерить, не приходит мужикам в голову.

Более ушлые из них поступают иначе, они дарят халаты, шали, платки. Сообразительный мужчина никогда не купит своей подруге косметику, духи или крем для лица, поскольку слишком велик риск не угадать с цветом и запахом. Но повторяюсь, в «бабских» лавках представители сильной половины человечества ощущают себя неуютно. Если жена заруливает в магазин белья, муж предпочтет остаться на улице курить. И уж совсем редкая птица – парень, пожелавший приодеть любимую в «Рюи Блаз». Неважно, что изделия сделаны во Франции, блузки ужасны, они давным-давно вышли из моды.

– ...вилки тащат, пепельницы, стул уперли, а мне плати! Гады! И ведь мы поместили их – ножки прижгли, а все равно уносят! Уже третий за месяц. Суки!

Я поежилась. Внезапно вспомнился кадр: Оксана, привязанная к белому пластиковому стулу, одна из ножек которого имеет круглую отметину, оплавленные края свидетельствуют о том, что к ней прикладывали горячий предмет. А что, если это не случайность, а клеймо? Наверное, пластиковые стулья часто воруют, и их метят подобным образом.

– Дряни! – раздался вопль над моей головой. – Мерзавцы!

Я вздрогнула. Официантка сердито поставила передо мной тарелку, из которой угрожающе торчал... рыбий хребет.

– Это что? – поразилась я.

– Суп-лапша куриная.

– А косточки-то не птичьи!

– Курица – не птица, – отбила подачу девица.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Название придумано автором. Здесь и далее: любые совпадения в наименованиях фирм, компаний, брендов, магазинов, изданий средств массовой информации случайны.

2

Об истории знакомства Гри и Тани, а также о том, как Сергеева попала в группу Чеслава Яновича, читайте в книгах Дарьи Донцовой «Старуха Кристи – отдыхает!» и «Диета для трех поросят», издательство «Эксмо».

----

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/in-yan-i-vsyakaya-dryan>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)